

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.2.7>

UDC 903'1:903.22
LBC 63.442.7(235)

Submitted: 31.01.2023
Accepted: 03.10.2023

**“SARMATIAN” ELEMENTS IN THE ARMAMENT
OF THE CHERNYAKHOV CULTURE?
(Some Controversial Issues in the Study of Weapons of the Late Roman Period
and the Beginning of the Migration Era of Peoples in Eastern Europe)**

Oleg A. Radyush

Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper deals with issues related to the spread of weapons of “nomadic” origin among population of the Chernyakhov culture. The features of the funeral rite of this community have been considered. Burials with weapons are absolutely not characteristic of the Wielbark culture foundation. The majority of the cremations can be attributed to the Przeworsk element, especially those with ritual damage to weapons. In the burials of the Chernyakhov culture, according to the burial rite, the following finds are known: swords, “cut-out blades”, spears, darts, arrows, bow parts, axes, umbo, fragments of chain mail and helmets. Usually, the finds are single in the burial. The burial grounds with catacomb burials in Budzhak, burials in pits with a southern orientation of the head, individual burials in catacombs along the border of the forest-steppe and steppe zones on the left bank of the Dnieper, accompanied by Chernyakhiv imports, can be considered Sarmatian. A number of burials with weapons made in pits with a northern orientation of the head are possibly associated with the Late Scythian tradition. The swords in the inhumations known to us belong to the Eastern European tradition, i.e. they do not contain a metal pommel of type 3 according to A.M. Khazanov. Distinguishing between locally produced type 2 swords and Roman Germanic swords requires additional extensive research. In the two burials on the territory of Romania, the remains of plates were found, possibly related to the plate helmets well known among the Sarmatians. Apparently, the so-called “blades with cutouts” can be attributed to ritual weapons. Simultaneously, in the zone of the Przeworsk culture and on the Sarmatian monuments, “sword-shaped” spearheads appear. On the territory of the Chernyakhov culture, they are recorded in the zone bordering the steppe, but so far only in the form of random finds. Both types of weapons are possibly associated with the cult of the sword known among the nomadic Scythian-Sarmatian population. At the same time, the designs and decor of spearheads in some cases are possibly related to Roman ceremonial spearheads. Judging by the available archaeological data, the development of weapons among the forest-steppe tribes of Eastern Europe in the first half of the 1st millennium AD was largely associated with Central European and the Roman Empire influence, and to a lesser extent, with the steppe nomadic population, which begins to play an important role closer to the end of the Chernyakhov culture. But the presence of various nomadic groups and the influence of their traditions on the military environment are undoubted.

Key words: Chernyakhov culture, Late Sarmatian culture, weapons, late Roman times, great migration period, sword, cut-out blades, sword-like spearheads.

Citation. Radyush O.A., 2023. «Sarmatskie» elementy v vooruzhenii chernyakhovskoy kul'tury? (Nekotorye diskussionnye voprosy v izuchenii oruzhiya pozdnerimskogo vremeni i nachala epohi pereseleniya narodov v Vostochnoy Evrope) [“Sarmatian” Elements in the Armament of the Chernyakhov Culture? (Some Controversial Issues in the Study of Weapons of the Late Roman Period and the Beginning of the Migration Era of Peoples in Eastern Europe)]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 22, no. 2, pp. 126-166. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.2.7>

«САРМАТСКИЕ» ЭЛЕМЕНТЫ В ВООРУЖЕНИИ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ?

(Некоторые дискуссионные вопросы в изучении оружия поздне римского времени
и начала эпохи переселения народов в Восточной Европе)

Олег Александрович Радюш

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с распространением предметов вооружения «кочевнического» происхождения среди населения черняховской культуры. Рассмотрены особенности погребального обряда этой общности. Для вельбарской основы культуры абсолютно не характерны погребения с оружием. К пшеворскому элементу можно отнести большинство кремаций, особенно с ритуальным повреждением оружия. В погребениях черняховской культуры по обряду трупоположения известны находки мечей, «клинков с вырезами», копий, дротиков, стрел, деталей лука, топоров, умбонов, фрагментов кольчуг и шлемов. Обычно они единичны. К сарматскому компоненту можно отнести могильники с катакомбными погребениями в Буджаке, погребения в ямах с южной ориентировкой головы, отдельные захоронения в катакомбах по границе лесостепной и степной зон на левобережье Днепра, сопровождающиеся черняховскими импортами. Ряд погребений с оружием, совершенных в ямах с северной ориентировкой головы, возможно, связаны с поздне скифской традицией. Мечи в известных нам ингумациях относятся к восточно-европейской традиции – без металлического навершия типа 3 по А.М. Хазанову. Выделение мечей типа 2 местного производства от мечей римско-германского производства требует дополнительного масштабного исследования. В двух погребениях на территории Румынии обнаружены остатки пластин, возможно относящихся к пластинчатым шлемам, хорошо известным у сарматов. По всей видимости, к ритуальным предметам вооружения можно отнести так называемые клинки с вырезами. Синхронно им в зоне пшеворской культуры и на сарматских памятниках появляются «мечевидные» наконечники копий. На территории черняховской культуры они фиксируются в пограничной со степью зоне, но пока только в виде случайных находок. Оба типа оружия, возможно, связаны с культом меча, известным у кочевого скифо-сарматского населения. В то же время конструкция и декор наконечников копий в некоторых случаях, возможно, связаны с римскими церемониальными наконечниками. Судя по имеющимся археологическим данным, развитие вооружения у лесостепных племен Восточной Европы в первой половине I тыс. н.э. в целом было в значительной степени связано с влияниями из Центральной Европы и Римской империи, в меньшей – со стороны степного кочевого населения, которое начинает играть важную роль уже ближе к финалу черняховской культуры. Но присутствие разнообразных кочевнических группировок и влияние их традиций на воинскую среду несомненно.

Ключевые слова: черняховская культура, поздне сарматская культура, оружие, поздне римское время, переселение народов, меч, «клинки с вырезами», «мечевидные» копия.

Цитирование. Радюш О. А., 2023. «Сарматские» элементы в вооружении черняховской культуры? (Некоторые дискуссионные вопросы в изучении оружия поздне римского времени и начала эпохи переселения народов в Восточной Европе) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 22, № 2. С. 126–166. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.2.7>

Вопросы, связанные с «кочевническим»¹ (часто в черняховедческой литературе используются не совсем удачные термины «скифо-сарматским», «сармато-аланским» и т. п.) влиянием на комплекс вооружения черняховской культуры, неоднократно рассматривались в отечественной и зарубежной литературе [Ščukin, 1993; Shchukin, 1994; Kokowski, 2003; 2004, s. 11–59; Czarnecka, 2010; 2021; Dobrzańska, 2001;

Яценко, Добжаньска, 2012; Воронятов, 2012б; Левада, 2013; Радюш, 2014а; и др.].

Контакты в воинской среде между германцами и местным населением Северного Причерноморья и Поднепровья начались задолго до традиционно признаваемой даты формирования ранних памятников черняховской культуры во второй трети III в.² и связаны с проникновением военных отрядов из пше-

ворского ареала далеко на восток. Наиболее активно эти процессы происходили в период Маркоманских войн и вскоре после их окончания. Одновременно шло движение готов и родственных им группировок через верховья Припяти в сторону Северного Причерноморья и Поднепровья. Яркими маркерами контактов этого времени могут служить наконечники копий с руническими надписями и тамгообразными знаками³.

Наиболее активные связи восточных германцев с населением Северного Причерноморья, как оседлым, так, очевидно, и кочевым, начинаются во время так называемых Скифских (Готских) войн, происходивших в 230–270-х годах. Археологических свидетельств этих событий на данный момент не столь много, но появление вооружения и снаряжения северо-западного происхождения в Причерноморье фиксируется по отдельным находкам [Васильев, 2005; Radjush, 2010]. Именно в процессе этих событий на огромной территории Восточной Европы формируется черняховская культура. В последние десятилетия большинством исследователей она признается полиэтничной, со значительным влиянием со стороны позднескифского населения Северного Причерноморья какого-то кочевого населения (возможно, опосредованного от сарматского), а также в ряде регионов – фракийского и «раннеславянского» [Магомедов, 2001, с. 41; Гей, 1999, с. 134–141; Гопкало, 2016, с. 67–69].

Б.В. Магомедов применительно к черняховским древностям пришел к выводу, что для выделения сарматского элемента наиболее надежными являются следующие признаки: подбойные и катакомбы типы погребальных ям (для алан); возможно, южная ориентировка погребенных (для языгов); единичные случаи наличия в ингумациях оружия и деформированных черепов [Магомедов, 2000, с. 206].

В настоящей статье, в связи со сложившимися представлениями, рассмотрены погребения по обряду труположения, сопровождаемые предметами вооружения, и некоторые категории древкового и клинкового оружия, имеющие предположительно «кочевническое» происхождение и связываемые хронологически и территориально с черняховскими древностями. В данной работе публику-

ются данные из диссертационного исследования автора [Радюш, 2022].

Погребения, сопровождающиеся предметами вооружения и кавалерийского снаряжения, встречаются практически по всей территории черняховской культуры (рис. 1). Из 140 исследованных могильников находки вооружения присутствуют на 38 из них (35%). Однако из более чем десяти тысяч раскопанных погребений лишь 77 содержат предметы вооружения (0,5% от общего числа могил). Кроме того, 16 отдельных находок, сделанных на территории могильников, связаны с культовым слоем или разрушенными погребениями⁴.

Оружие встречается как в погребениях с труположениями, так и с трупосожжениями. Всего зафиксировано 77 погребений с предметами вооружения, конского и кавалерийского снаряжения (в том числе кочевнические погребения с черняховскими импортами).

Зависимости количества интересующих нас погребений от размеров могильника не выявлено. На небольших памятниках может находиться высокий процент погребений с оружием (Петроаселе, Тыргу-Муреш), в то время как на некрополях, где были исследованы сотни погребений, их либо нет совсем, либо их количество ничтожно. Оружие содержится обычно в одном-двух, крайне редко – в трех-пяти погребениях (Петроаселе, Ромашки, Тыргшору). На каждом могильнике захоронения с оружием представлены практически только одним видом погребального обряда. Исключение составляют лишь могильники Тыргшору, где оружие было найдено в двух погребениях с трупосожжением и двух с труположением, и Ромашки (два трупосожжения и одно подкурганное труположение).

В ряде случаев видно, что труположения с предметами вооружения выделяются особым их расположением в центре некрополя, наличием пустого, не занятого другими погребениями, пространства вокруг могилы, что традиционно для многих захоронений с высоким социальным статусом в целом. На могильнике Петроаселе три погребения с оружием были расположены практически в один ряд с запада на восток. «Воинские» трупосожжения совершенно не выделяются на общих планах могильников. Следует отметить и ряд

погребений, которые были совершены вдали от общинных могильников либо на территории некрополей более раннего времени (Рудка, Киселово, Яременки, Будешти, Чиумбруд). Также выделяются погребения знати начала эпохи Великого переселения народов, которые совершаются за пределами общинных некрополей (Волниковка, Концешти, Ялпуг).

В имеющейся выборке оружие в погребениях представлено 21 мечом (21 погребение); 5 короткими клинками (5 погребений); 12 наконечниками копий (12 погребений); 21 наконечником дротиков (8 погребений); 6 топорами (6 погребений); 20 стрелами (11 погребений); 14 шпорами (10 погребений; из числа шпор 6 серебряных, остальные – бронзовые и железные); 15 умбонами и рукоятями щитов (10 погребений), 7 деталями конского снаряжения (5 погребений), 4 предметами и деталями защитного снаряжения (4 погребения).

В большинстве случаев оружие представлено в каждом из погребений единичными экземплярами, но в нескольких они образуют комбинации: меч и дротики (Августиновка); меч и копье (Золочев); меч и умбон (Коломак, Будешть); меч и короткий клинок (Тыргшору, погр. 444); меч, топор, копье, дротик, умбон и рукоять щита (Компанийцы, погр. 86); меч, копье, умбон (Оселивка, погр. 70); меч, умбон, топор (Печеры); умбон и копье (Могошань, погр. 15); умбон, рукоять щита, стрела (Малашты); копье и удила (Компанийцы, погр. 196); дротики в различных комбинациях, от двух до пяти (Тыргу-Муреш, погр. XI, Ханска Лутерия II, погр. 8, Августиновка); стрелы до пяти штук (Лазо, погр. 20, Чернелев-Русский).

На основе изучения особенностей погребального обряда, состава и хронологии сопутствующего инвентаря я выделил пять подгрупп, внутри которых отмечаются различные варианты [Радюш, 2022, с. 271–288].

Ранние (середина III – первая четверть IV в.): ингумации (А), кремации (В). Комплексы периода расцвета черняховской культуры (вторая четверть IV – рубеж IV/V вв. н.э.): ингумации (С), кремации (D). Постчерняховские «вождеские» ингумации (конец IV – первая половина V в. н.э.) (Е).

Из них к интересующей нас теме относятся некоторые разновидности ингумаций группы С и особые погребения группы Е.

Не вызывает сомнения германская принадлежность ранних ингумаций группы А. Они имеют множество сходных черт с «княжескими» комплексами в Центральной и Северной Европе типа Лейна-Хасслебен, где ряд знатных погребений сопровождался миниатюрными копьями, изготовленными из золота, серебра и позолоченной бронзы, и множеством престижных предметов римского импорта: серебряными шпорами, ранними типами Т-образных шарнирных фибул из драгоценных металлов, золотыми монетами, перстнями, металлической и стеклянной посудой.

Безурновые кремации типа В1а, по мнению Э.А. Сымоновича и Н.М. Кравченко, имеют пшеворские черты [Сымонович, Кравченко, 1983, с. 49]. Использование каменных конструкций в виде лодок и курганных насыпей над кремациями так же, скорее, указывает на южнобалтийский или скандинавский след, но, учитывая слабую фиксацию раскопок в Августиновке и Войсковом, окончательные выводы делать рано.

Погребальные обряды основных культур восточногерманского круга, участвовавших в формировании черняховских древностей – пшеворской и вельбарской, значительно отличаются друг от друга. Для пшеворской характерны кремации с ритуальным повреждением оружия, и в целом эта практика была довольно широко распространена на многих могильниках вплоть до периода С1b (230–260 гг.). За весь период существования вельбарской культуры известно крайне мало предметов вооружения, как в погребениях, так и на поселениях. Типы оружия в целом совпадают с пшеворским набором, демонстрируя восточный вариант комплекса вооружения германцев Барбарикума. Большая часть известных вещей, однако, датируется только ранними фазами культуры, вплоть до С1b [Kaczanowski, Zaborowski, 1988; Kokowski, 1993]. Ф. Бирбрауер среди критериев знати восточногерманских племен выделял наличие шпор, которые относились к высшим уровням погребального обряда – 1b и, возможно, 1a⁵ [Bierbrauer, 1989]. Важный символический статус шпор в вельбарском погребальном обряде подтверждают и археологические материалы более чем 100 погребений [Skora, 2008, s. 25–27].

Можно отметить, что в погребальном обряде формируемой черняховской культуры периода второй – третьей трети III в. отчетливо проявлялись более ранние особенности общественного устройства восточно-германских культур.

К поздним фазам черняховской культуры (С3/D1, 325–400/410 гг.) отнесены группы погребений С и D [Радюш, 2022, с. 271–278].

Кремации с ритуально поврежденным оружием (D2в) можно связать с представителями пшеворской традиции, которые занимали высокое положение в воинской элите черняховского общества [Магомедов, 2001, с. 38]. Б.В. Магомедов соотносит погребения, совершенные по пшеворскому обряду, с оружием на памятниках черняховской культуры, с дружинниками-вандалами [Магомедов, 2001, с. 82]. Очевидно, что эти комплексы продолжают традицию, хорошо известную по одиночным захоронениям в верховьях Западного и Южного Буга, Днестра и Прута, но уже в рамках черняховских общин. Кремации с умбонами, накрывающими урны (С2б), встречаются в западной, юго-западной и восточной зонах черняховской культуры. На позднем этапе самой пшеворской культуры в Повисленье до трети погребений сопровождаются умбонами или рукоятями щитов без оружия, и, таким образом, детали щитов могли выполнять символическую охранную функцию [Kontny, 2004, s. 157].

Среди труположений позднего этапа германское происхождение могут иметь захоронения со шпорами (группы С1а, С1б). Следует отметить, что шпоры совершенно неизвестны в кочевнической традиции управления конем римского времени. Большинство кремаций и ингумаций со шпорами, по всей видимости, связано именно с германским элементом (Барча, Бырлад-Валя Сяче, Одая, Переяслав, Великая Бугаевка, Войтенки).

Что касается «позднескифских» / «кочевнических» черт в погребальном обряде, то, по мнению многих исследователей, разделить их в период С3 (325–350/360 гг.) сложно, поэтому они часто рассматривались в целом как «позднескифская / сарматская традиция» [Обломский, 2002, с. 47; Любичев, 2013, с. 65]. Явно выделяются лишь кочевнические погребения, связанные с черняховской культурой

керамикой и отдельными вещами: подкурганные захоронения с катакомбами, расположенные по южной степной границе культуры; погребения с южной ориентировкой; отдельные погребения (так называемые клады), связанные с погребальным обрядом знати гуннского времени. Все они в большинстве своем датируются финалом черняховской культуры и ранним этапом эпохи переселения народов.

Труположения с оружием – обряд абсолютно не характерный для восточногерманских древностей позднеримского периода. Поэтому следует рассмотреть подобные погребения, происходящие из могильников черняховской культуры.

Подгруппа С2а – труположения с отдельными предметами вооружения в ямах с заплечиками и северной ориентировкой головы покойника (Одая, погр. 4; Горошовцы, погр. 4, 11; Слобозия-Кишкерень, погр. 20 (рис. 2,В); Городок Николаевка, погр. 20; Дальний (Выдрин), погр. 12; Сынтана-де-Муреш, погр. 36; Тыргшору, погр. 444 (рис. 5,Б); Холмское, погр. 23 (рис. 5,А)).

Погребения в Одае, в Горошевцах, Слобозия-Кишкерень (Лазо) близки по обряду, совершены в глубоких ямах с заплечиками глубиной 1,5–2 м. В конструкциях прослежены деревянные перекрытия, ямы – глубокие, со ступенями. Среди инвентаря захоронений – наборы посуды (вазы, миски, кувшины, горшки), пряжки из серебра и бронзы, гребень, остатки жертвенной пищи, ножи. Вооружение представлено наконечниками стрел до пяти экземпляров (Слобозия-Кишкерень), а также мечами, короткими клинками.

В погребении 20 из могильника Городок Николаевка / Козацкое находился богатый набор сопровождающих вещей, относящийся к всаднику: удила, ногойка, короткий клинок (возможно, с вырезами) (рис. 2,А). К этой группе можно отнести и недавно исследованное автором богатое воинское погребение 12 могильника Дальний (Выдрин) в Курской области. «Клинок с вырезами», как и в большинстве случаев, располагался у головы покойного и был обращен острием вверх, возле него найдена обоймица, по все площади оружия прослежены следы дерева, возле ног найдена железная обоймица от нагайки [Радюш, Васильев, 2022, рис. 4].

Подгруппа С26 – труположения с отдельными предметами вооружения (копья, топоры, мечи, «клинки с вырезами», кольчуга, детали щита) в простых ямах или с уступами на дне и северной ориентировкой головы покойника (Балцаты II; Лецкань, погр. 21 (рис. 7,А), 25 (рис. 2,Б); Кринички, погр. 1 (1957 г.); Дрегенешть Олт, погр. 9; Чиумбруд, погр. 34 (рис. 2,Д); Ружичанка, погр. 11, 29; Фынтынеле-Рицэ, погр. 8; Тыргшору, погр. 79; Тыргу-Муреш, погр. IX, XI, XIV (рис. 7,Б); Михелешень, погр. 169 (рис. 3).

На могильнике Лецкань одно из исследованных захоронений содержало простой набор инвентаря – дротик, стрелу, две пряжки. Погребение из Дрегенешть сопровождалось «клинком с вырезами», набором посуды, пряжкой и фибулой. В могиле из Чиумбруда – единственной из всего могильника, относящейся к черняховскому периоду, был погребен ребенок. Среди инвентаря находился проушной топор. В погребении 169 могильника Михелешень прослежены остатки длинного меча неустановленного типа.

К «негерманской» традиции можно отнести и помещение нескольких предметов вооружения в ингумации, и особенно использование в обряде характерных коротких клинков с вырезами и без них, что отмечено в погребениях могильника Тыргшору, погр. 444, Городок Николаевка, погр. 20, Дальний (Выдрин). Аналоги такого обряда хорошо известны на крымских могильниках III–IV вв., но встречаются они и на синхронных нижнедонских и северокавказских памятниках [Выборнов, Ключнев, 1998]. Следует отметить, что «клинки с вырезами» лишь в исключительных случаях попадают в кремации на территории черняховской культуры (Будешты, погр. 196; Дрегенешть-Олт, погр. 9) и за ее пределами (курган Северо-Восточный; Чатыр-Даг).

Помещение топоров в ингумации – сравнительно редкое явление для черняховской культуры [Магомедов, Левада, 1996, с. 313–319]. Отмечено всего два случая. Несмотря на крайнюю редкость топоров в сарматских погребениях, целая серия из 12 экземпляров фиксируется в женских захоронениях I – первой половины III века. По мнению С.А. Яценко, они, вероятнее всего, использовались в качестве ритуальных атрибутов [Яценко, 2020,

с. 188]. Довольно часто топоры встречаются на могильниках варварского населения III–IV вв. на юго-западе Крымских гор – склепы 3, 39, 85 могильника Дружное [Храпунов, 2002], Килен-Балка, склеп 3 [Контны, Савеля, 2006, рис. 5], Нейзац, склепы 4, 275, 306, 307, 321 [Храпунов, 2010].

С черняховской культурой связаны несколько погребений, в материалах которых зафиксированы кольчужные кольца и фрагменты кольчужного полотна [Гопкало, Тылищак, 2010, с. 87]. Мелкие куски кольчуги найдены в погребении 29 могильника Ружичанка, а также на могильниках Чернелев-Русский, Канев, Дидов Шпиль, Бырлад-Валя-Сяче и Могошань. Как считает К. Чарнецка, фрагменты кольчуг, найденные в ряде погребений германских культур, использовались в качестве оберегов в женских и детских захоронениях [Czarnecka, 1994].

Несмотря на единичность находок, можно заметить, что к востоку от Поднепровья традиция использования металлического кольчатого доспеха появляется уже в начале нашей эры и фиксируется постоянно на протяжении первой половины первого тысячелетия. Несомненно, более тесные контакты с римской воинской традицией и мастерскими оказывали значительное влияние на распространение кольчатого доспеха на западе. В то же время в германском Барбарикуме кольчуги и отдельные куски кольчужного плетения в погребениях встречаются сравнительно редко [Kaczanowski, 1992, s. 53–60].

Еще более редки остатки защитных наголовий. К шлемам решетчатой (пластинчатой) конструкции в черняховской культуре, возможно, относились обломки из погр. XIV могильника Тыргу-Муреш (рис. 7,Б), а также из погр. 21 могильника Лецкань (рис. 7,А), относящиеся к черняховской культуре. Возможно, это могли быть пластинчатые или решетчатые шлемы, характерные для местной восточноевропейской традиции, известной по находкам в Среднем Поволжье и Прикамье начиная как минимум с I в. до н.э. [Зубов, Радюш, 2014]. Она находит продолжение в погребениях сарматской знати II–III вв. на Северном Кавказе и в Прикубанье [Бетров, 1987; Васильев, Кармов, 2008; Сазонов, 1992]. В дальнейшем, в IV в., серия таких шлемов

фиксируется на могильниках азелинской и мазунинской культур [Голдина, Волков, 2000].

Для территории варварской Европы находки боевых оголовий римского времени до конца III в. единичны и представлены в основном римскими образцами [Kaczanowski, 1992, s. 53–60]. Массовое распространение и проникновение доспеха в погребальный обряд германской знати происходит уже на этапе Великого переселения народов в процессе тесного контакта в дружинной среде с представителями кочевнических культур. Их использование населением черняховской культуры вполне вероятно, особенно на позднем и финальном этапе ее развития, когда интенсифицируются контакты с кочевым населением.

Группа С3 – труположения позднего этапа черняховской культуры с выраженными позднесарматскими чертами обряда. Эти комплексы сопровождалась деталями конской узды, фрагментами щита, сложносоставного лука, мечами.

Подгруппа С3а. Первый вариант группы – захоронения в катакомбах, заложённых каменными плитами (Беленькое, погр. 6 (рис. 2,Г), 50, 179), совершенные на больших могильниках Буджака. Погребения этого варианта с северной ориентировкой сопровождалась мечами, копьями, деталями щита и сложносоставного лука. Другим вариантом данной подгруппы являются погребения с черняховскими элементами (в первую очередь керамикой), совершенные в подкурганых катакомбах с деталями узды, сложносоставным луком и мечом (Кантемировка, кург. 3, подкурганые погребения (Моспинская (рис. 6,Б), Сторожевое)). Своей глубиной выделяется катакомба под курганом в Кантемировке, где погребение было совершено на уровне более 3,5 м от дневной поверхности и сопровождалось статусными вещами (золотые и серебряные, с инкрустацией драгоценными камнями) и конским снаряжением [Рудинский, 1930, с. 127–158; Гороховский, 1988].

Погребения из Кантемировки и Моспинской относятся к отдельной культурной группе алан-танаитов с предметами черняховского импорта [Магомедов, 2001, s. 38]. Такие погребения распространяются на могильниках в Северном Причерноморье во второй поло-

вине IV в., а на Днепровском Левобережье единичные комплексы датируются уже гуннским временем. Эти погребения считаются свидетельствами тесных контактов между черняховским и кочевым населением, но непосредственно в структуру черняховского общества оставившее их население не входило [Любичев, 2013, с. 71].

Подгруппа С3б – ингумации, совершенные в ямах под курганными насыпями, или впускные погребения в ямах с отдельными предметами древкового и клинкового вооружения (Киселово (рис. 4,А), Кошары, Ромашки, кург. 3). К сожалению, эти находки плохо документированы, поэтому детали обряда нам практически неизвестны.

Подгруппа С3в – погребения в простых ямах с южной ориентировкой покойника (Петроаселе, погр. 6, 9, 10, 19 (рис. 4,В); одиночные погребения из Золочева (рис. 4,Б); Яременок (рис. 6,А); Максимовки; из могильника Ромашки (1899 г.)). Сопровождалась мечами, копьями, пиками, «клинками с вырезами», топорами.

Практически все захоронения с южной ориентировкой и оружием малоинвентарные. Сопровождаются однотипным набором инвентаря, состоящим из одного-двух гончарных сосудов, предметов вооружения (1–2), фибулы или пряжки. Глубина – до 2,7 м.

Погребений такого типа сравнительно немного в составе черняховской культуры, наибольшая их концентрация отмечена на могильнике Петроаселе. Южная ориентировка покойников в Петроаселе, малоинвентарность погребений и наличие в них оружия – все это позволило Б.В. Магомедову отнести их к сарматам-языгам [Магомедов, 1999, с. 138]. Р. Хархою выдвинул предположение, что в крепости Петроаселе могла размещаться резиденция вождя тервингов Атанариха, а укрепление служило центром алано-готского союза. Присутствие готов в данном районе подтверждается известным Петроасским кладом, найденным в XIX в. в полутора километрах от крепости. На одном из золотых украшений была вырезана руническая надпись, которая может быть переведена как «сокровище готов». Датируется клад концом IV – началом V в. (D1–D2), но Р. Хархою не исключает, что датировка была несколько за-

вышена и находки эти относятся к более раннему времени [Narhoiu, 1988, p. 86–87]. Согласно сообщению Аммиана Марцеллина, в 367 г. Атанарих уходил от преследования римского войска именно в предгорья Карпат (Amm. Marc. XXVII 5,4). Р. Хархою предположил, что погребения в Петроаселе оставлены группой римских федератов, набранных в предгорьях Кавказа (провинция Понт) из племени тцанни. В середине IV в. представители этой этнической группы вошли в состав тервингского союза [Narhoiu, 1988, p. 86–87].

Оставшиеся одиночные погребения обычно сопровождалась мечами, за исключением кургана в Ромашках, но он плохо задокументирован.

Группа E – одиночные погребения представителей элиты общества, датирующиеся началом эпохи Великого переселения народов и сопровождаемые богато украшенным местным или импортным инвентарем, в том числе с изделиями из благородных металлов. Хронология находок и их географическое расположение позволяют предполагать возможную связь с финалом черняховской культуры. Каждое из таких погребений представлено уникальным обрядом и набором сопровождающего инвентаря.

К этой группе следует отнести находку из Концешти, где помимо роскошной импортной посуды был найден римский офицерский шлем, меч, конская узда [Фурасьев, Шаблава, 2019]. Меч, ножны и богато украшенная конская узда в стиле клуазоне находились также в разрушенном и разграбленном погребении, найденном на берегу озера Ялпуг в Одесской области [Паламарчук, Фокеев, 2011]. Меч с ромбическим перекрестием и две двупластинчатые фибулы с обкладкой золотой фольгой и вставками из полудрагоценных камней были обнаружены в погребении (вероятно, с труположением) из Круглицы / Поршино в Орловской области. Обломки мечей и ножен, конская узда и две портупей были найдены в полностью разрушенном погребении из Волниковки в Курской области [Радюш, 2014б]. Датировка всех этих комплексов возможна в пределах конца IV – начала или первой половины V века.

Погребения в группе E, датируемые «гуннским» временем, фазами D1–D2 (400/410–

440/450 гг.), в настоящее время сложно уверенно атрибутировать в этнокультурном отношении в связи со случайностью их нахождения. Большинство из них выявлено на территории распространения черняховской культуры, однако они кардинально отличаются своим богатством от известного нам погребального обряда рядовых могильников. Комплексы связаны с представителями высшей воинской знати, которая в это время приобретает все более интернациональный характер.

В целом распространение ингумаций с оружием демонстрирует более широкое их распространение в юго-западных регионах культуры (рис. 1). Погребения подгруппы C3в с выраженными «кочевническими» признаками прослеживаются от Петроасы в юго-восточном Прикарпатье, через Северо-Западное Причерноморье к степному среднему Поднепровью и далее по границе лесостепи и степи (фактической границе черняховской культуры).

Оружие кочевнической традиции в погребениях черняховской культуры

Кроме погребального обряда следует рассмотреть некоторые категории вооружения, связываемые с условной «сармато-аланской», «скифо-сарматской» традицией. Наибольший интерес в нашем случае представляют длинные мечи без металлического навершия, «клинки с вырезами» и появившиеся в последнее время, в основном вне археологического контекста, «мечевидные» наконечники копий, приклепанные к втулкам.

Длинные обоюдоострые мечи без металлического навершия. И восточноевропейские, и западноевропейские исследователи сходятся во мнении о существовании двух основных традиций в изготовлении мечей. Первая из них характерна для Восточной Европы и связана с Боспором и сарматским вооружением [Безуглов, 2000, с. 174–178]. На позднесарматских могильниках в Поволжье и Подонье длинные мечи появляются вновь после некоторого перерыва, во II–III вв. н.э. [Хазанов, 1971, с. 93; Безуглов, 2000, с. 176–178]. Вторую можно условно назвать кельто-римско-германской. Для этой традиции характерна преемственность конструкций длинных двулезвийных мечей, которая прослеживает-

ся как минимум с позднелатенского периода [Biborski, 1978, s. 57]. Такие мечи широко распространены в Центральной, Северной и Западной Европе, но в позднеримское время активно распространяются по Восточной Европе и, возможно, производятся уже в восточноевропейских центрах⁶. Большинство мечей, происходящих из черняховских памятников, находят аналогии в германских и позднесарматских материалах. Известные в настоящее время находки, связанные с черняховской культурой, можно отнести ко 2-му и 3-му типам по А.М. Хазанову. Большая часть черняховских находок относится к 3-му типу, у которых клинок имеет выраженный уступ в месте перехода к черену, что чаще всего связывают с германским влиянием. Они находят множество аналогий среди широкой выборки мечей, найденных на германских памятниках европейского Барбарикума [Miks, 2007a, b].

Некоторые случайные находки и находки из погребений можно отнести ко 2-му типу по А.М. Хазанову – мечи без перекрестия, с переходом клинка к рукояти под тупым углом⁷.

Случайные находки, связываемые территориально с черняховской культурой, обнаружены на левобережье Днепра у сел Клепахи (рис. 8,1), Могрица (рис. 8,2)⁸. Мечи также были найдены в одиночном разрушенном погребении из Золочева (рис. 8,3), а также погребении 444 могильника Тыргшору (рис. 8,4). Длина мечей – 720–890 мм, длина черена – 105–110 мм, ширина лезвия – 40–48 мм. Рукоять крепилась при помощи штифта через отверстие в черене. Сечение лезвия уплощенное шестигранное или ромбическое. На мече из Могрицы сделаны дополнительные крепежные отверстия в верхней части лезвия. К данной разновидности можно отнести случайную находку у с. Белики (Гали). Возможно, сюда же следует отнести мечи из погребения 175 могильника Беленькое (рис. 8,5) и разрушенного погребения Круглица / Поршино в Орловской области (рис. 8,6).

Конструкция мечей со скошенными плечиками (рис. 8,1–4) и в ряде случаев со сравнительно широким коротким череном в позднеримское время практически неизвестна в Западной и Центральной Европе. В то же время данный тип распространен в Причерноморье. Близкие по типу клинки распространяются в

IV в. в бассейне средней Оки [Ахмедов, 2014, рис. 3,3]. Они найдены в могильниках Кошибеево, Кораблино, Кузьминский и ряде других. Они хорошо известны на Средней Волге и в Нижнем Прикамье [Матвеев, 2018]. Прототипами конструкции могли служить длинные мечи, появившиеся в первых веках до н.э. у сарматов [Хазанов, 1971, с. 20–24; Виноградов, Горончаровский, 2009, с. 178; Симоненко, 2010, с. 58]. Конструкция продолжает существовать и в раннем средневековье.

«Клинки с вырезами». В последние годы находки клинков с вырезами у основания рукояти неоднократно привлекали внимание исследователей. Как разновидность короткого клинкового оружия, они известны довольно давно [Сокольский, 1954; Хазанов, 1971; Иштванович, Кульчар, 2009; Контны, Савеля, 2006; Левада, 2013; Симоненко, 2010, с. 51–55; 2015, с. 61–66; Храпунов, 2010; Barat et al., 2009; Garnier et al., 2006–2007; Радюш, 2014а; Радюш, Васильев, 2022].

В настоящее время наиболее подробное картирование находок проведено М.Е. Левадой [Левада, 2013, рис. 2–4] и дополнено автором настоящей статьи [Радюш, Васильев, 2022, рис. 12]. Массовая концентрация «клинков с вырезами» фиксируется в основном в районе Крыма, северо-западного Кавказа и северо-восточного побережья Черного моря, но значительное их количество было найдено и вне этих территорий – на памятниках черняховской культуры, в Карпатской котловине. Отдельные подобные находки также были сделаны в Словении, во Франции, на Нижнем Дону и в Кемеровской области России – всего 85 пунктов. Сведения, имеющиеся на данный момент, указывают на то, что «клинки с вырезами» были распространены практически на всей территории черняховской культуры, как на правом, так и на левом берегу Днепра, за исключением Западной Украины, где они совершенно неизвестны [Радюш, Васильев, 2022, рис. 12]. Северные пределы распространения подобного рода клинков расположены на границе черноземов и лесной зоны от Волго-Камья к верховьям Дона и Десны.

На основании длины «клинки с вырезами» можно разделить на три группы (А, В, С). На территории черняховской культуры нам из-

вестно не менее 25 экземпляров только коротких изделий групп А и В (рис. 9).

Группа А. Короткие, длиной до 25 см, шириной 30–50 мм (5 экз.). Сюда можно отнести экземпляры из Будешти, погр. 196 (рис. 9,1), Флерковки (рис. 9,3,5), окрестностей Мотронинского городища (рис. 9,6,9), Пен (рис. 9,8), Сквородиновки (рис. 9,7), поселений Серповка-2 (рис. 9,10), Горбуновка (рис. 9,11) и Седнев (рис. 9,20). Определенные клинки имели уплощенно-шестиугольное сечение.

Группа В. Средней длины, от 30 до 45 см, в большинстве своем – от 35 до 40 см (9 экз.). Ширина клинка – от 30 до 57 мм. К данной группе относятся клинки из Картамышево (рис. 9,13), Чилиене (рис. 9,14), Пастырского (рис. 9,15), Яссы-Николина (рис. 9,16), Петроаселе (рис. 9,17), Сенчи (рис. 9,18), погр. 9 могильника Дрегенешть-Олт (рис. 9,2). Большинство аналогий с других территорий также принадлежит к этой группе: Севский район (Брянская обл.), Ефремовский район (Тульская обл.), Биляр и погр. 75 могильника Рождественский V в Татарстане. Большинство экземпляров имели уплощенно-шестиугольное сечение, но в ряде случаев можно отметить и многодольное (Красивая Меча, Седнев). На клинках из Ясс-Николина и Севского района визуально прослежена дамаскированная сталь (их металлографический анализ не производился).

Для находок к западу и юго-западу от Днестра следует отметить, что три из них (Петроаселе, Будешти, Дрегенешть) относятся к инвентарю погребений, два из которых представляли собой кремации на черняховских могильниках. Большая часть других находок сделана случайно. На черняховских поселениях или вблизи от них найдены клинки из Пен, Серповки-2 и Горбуновки. На границе лесной и лесостепной зон (вне черняховского контекста) известны единичные экземпляры: из насыпи кургана XII в. в Седневе (Черниговская обл., низовья р. Сновы); на острове на р. Сула близ Сенчи; в Ефремовском районе Тульской области (бассейн р. Красивая Меча), в Брянской области в районе города Севска.

Изученные автором экземпляры с территории Поднепровья, Северного Причерноморья и Северного Кавказа позволяют зак-

лючить, что они могли изготавливаться из обломков длинных мечей [Радюш, 2014а, с. 235–236]. По всей видимости, в ряде случаев хвостовик и зубья вырубались уже из обломка меча, на что указывает сохранение заточки на зубьях и разнообразие сечений (шестигранные, четырехгранные, однодольные, многодольные), размеров и пропорций. Сохранность многих изученных клинков во многих случаях предполагает их изготовление из стали высокого качества, изготовленной по разным технологиям, что также может подтвердить гипотезу об их производстве из обломков спат. Клинки с шестигранным сечением относятся к различным широко распространенным типам мечей позднеримского времени и эпохи Великого переселения народов. Находка из Седнева может быть изготовлена из спаты позднеримского времени типа мечей из Раковца Чесновского, Компанийцев, Городка на Буге [Kokowski, 2009, abb. 12; Некрасова, 2006, рис. 71,2]. Многодольный клинок из Севского музея близок по своим пропорциям к мечам подтипа 1 типа «Снитштад» по М. Биборскому. Наиболее схожий экземпляр из жертвенника Эйсбель датируется фазой С2 (250/260–320 гг.) [Biborski, Pkjær, 2006, s. 249]. Близкая профилировка наблюдается на мечах типа «Лауриакум-Громовка», отнесенных польским исследователем к фазам С1а–С1б (150/160–260 гг.) [Biborski, Pkjær, 2006, s. 200]. Последний тип в работе К. Микса датируется от второй половины II в. до конца III в. [Miks, 2007a, S. 94–95].

В связи с особенностями помещения клинков в могилы продолжается и дискуссия по поводу функционального назначения данного типа оружия. Высказывались предположения об использовании их в качестве особого вида вооружения, предназначенного для парирования ударов [Šćukin, 1993, p. 327; Мыщ и др., 2006, с. 117], или как древкового оружия [Гавритухин, Пьянков, 2003, с. 192; Схатум, 2004, с. 46], основанием для чего считалось и нахождение кинжалов с вырезами в погребениях на месте наконечника копья у головы, в том числе при наличии ножей и кинжалов у пояса. И.А. Гарбуз предполагал, что ношение данных клинков осуществлялось на грудной перевези рукоятью вниз [Гарбуз, 2012]. На данный момент более распространенным оста-

ется мнение об их традиционном использовании в качестве кинжала или короткого меча [Левада, 2013, с. 172; Контны, Савеля, 2006, с. 145–147; Симоненко, 2010, с. 51–52; 2015].

На то, что клинки следует считать именно кинжалами, могут указывать и несколько находок, сопровождавшихся «магическими» бусинами-навершиями, закрепленными на черене или найденными вблизи от клинков: в склепе 3 могильника Дружное [Храпунов, 2002, с. 15–16, рис. 72], в погребении 136 могильника Чонград-Кендерфелдек [Иштванович, Кульчар, 2009, с. 144], в могильнике Лехч-Корт [Виноградов, Петренко, 1971, с. 173–174], в склепе в Керчи (1902) [Сокольский, 1954, табл. VIII, 1]. «Клинки с вырезами» в этих случаях были найдены с бусинами так же, как обычно и длинные мечи. В поздних комплексах V в. в Крыму и Причерноморье «кинки с вырезами» часто сочетаются в погребениях с длинными мечами. Наиболее показательным в этом смысле погребение 6 склепа 10 из могильника Сувлу-Кая, где у покойного был зафиксирован полный набор, состоявший из длинного меча, массивного копья, двушипного дротика [Волошинов, Масякин, 2016, рис. 1], в связи с чем наличие в составе вооружения также «кинки с вырезами» в качестве древкового оружия нам представляется крайне сомнительным.

В могиле 444 из черняховского могильника Тыргшор с кочевническими чертами погребального обряда кинжал лежит возле головы вверх острием. Вырезы в кинжале в публикации не прослежены, но, судя по фотографии, их наличие нельзя исключать (рис. 9, 19). В 2021 г. автором было изучено погребение 12 на могильнике черняховского типа Дальний в Курской области, где «кинков с вырезами» подгруппы II был положен так же острием вверх у головы покойного. В захоронении находилось большое количество гончарной посуды и стеклянный кубок, позволивший отнести комплекс к концу IV – началу V в. [Радюш, Васильев, 2022, рис. 6]. Подобный обряд погребения особенно характерен для причерноморских могильников: Дружное, погр. 3 и 87 [Храпунов, 2002, рис. 4, 62, 66], Лучистое, погр. 55, 168 [Айбабин, Хайрединова, 2014, табл. 82], Сувлу-Кая, погр. 6, склеп 10 [Волошинов, Масякин, 2016, рис. 1], Суворово,

склеп 30 [Зайцев, 1997, рис. 64], Дюрсо, погр. 500 [Дмитриев, 1979, рис. 9] и др.

Относительно происхождения этих клинков существует несколько мнений: Р. Хархою связывал их появление с Боспорским царством [Harhoiu, 1988, p. 86], В.Н. Каминский – с Крымом [Каминский, Каминская-Цокур, 1997, с. 61], А.М. Хазанов – с Северным Кавказом [Хазанов, 1971, с. 24]. Мнение о кавказском происхождении позднее было поддержано В. Супо. Их распространение в Европе она связывала с экспансией алан в конце III – начале IV в. н.э. [Soupault, 1996, с. 72]. В данный момент гипотезы, связывающей появление клинков данного типа с кавказскими традициями, придерживается большинство исследователей.

М.Е. Левада не исключает, что клинки этой категории могли возникнуть в Западном Прикаспии на рубеже III–IV вв. [Левада, 2013, с. 172–174]. Однако можно отметить, что эти выводы основаны на очень произвольном толковании памятников, соотносимых с аланской культурой Северного Кавказа.

Наиболее ранними признаются подобные находки из погребений рубежа III–IV вв. в Западном Прикаспии [Левада, 2013, с. 174]. В настоящее время серии «кинков с вырезами», надежно датированных ранее, чем конец III в., нет. В. Супо, в частности, считала, что подобные клинки появляются в комплексах не ранее начала IV века. Вероятно, традиция использования таких клинков изначально является локально не ранее конца III в. и затем широко распространяется по Кавказу и другим территориям лишь в IV веке. За пределами Северо-Западного Кавказа она прекращается не позднее первой половины V в., однако на ряде могильников на Северо-Западном Кавказе она известна позднее, а в районе от Анапы до Туапсе фиксируется вплоть до VII века. Здесь подобные находки известны в комплексах с геральдической garniturой [Левада, 2006, с. 194]. Оснований датировать кинжалы с вырезами ранним периодом на черняховских памятниках также нет. Попадание их в черняховский контекст может быть связано с военно-политической ситуацией второй половины IV – начала V века. Распространение их на север в деснинский ареал киевской культуры и в Верхнее Подонье, вероятно, про-

исходило в период распада черняховской культуры в конце IV в., что вполне возможно, учитывая близость находок к черняховскому ареалу в Посеймье и к югу от течения Средней Десны, и может быть связано с проникновением военизированных группировок именно в то время, когда они фиксируются и на памятниках черняховской культуры.

Вторичное использование клинков в разных вариациях известно в римское время как в германском Барбарикуме [Miks, 2007b, Taf. 115–116], так и к востоку от него. Обломанные спаты могли затачиваться на конце (Хрустальное / Wiekau, Калининградская обл.) [Nowakowski, 1996, taf. 50, 10] или ремонтироваться. В случае облома рукояти они приклепывались либо приваривались (Ягнятин, Федоровка) [Левада, 1998, рис. 2, 1; Засецкая, 1994, tab. 34, 1], однако в таких случаях прочность конструкции, очевидно, была нарушена.

«Мечевидные» наконечники копий составной конструкции. Переделка обломков мечей в эпоху переселения народов фиксируется и в других случаях. В гуннское время они, например, использовались для изготовления древкового оружия. К. Чарнецка выделила группу «мечевидных» копий IV–V вв. (польск. Groto-mieczci) составной конструкции [Czarnecka, 2010, s. 111–126]. В их конструкции используется массивная втулка, часто богато декорированная. Перо приклепывается через глубокий пропил во втулке. Форма пера часто напоминает меч, а в ряде случаев для изготовления подобных наконечников, несомненно, были использованы клинки мечей [Czarnecka, 2010, s. 123–126]. Часто подобные предметы вооружения довольно массивны, достигают в длину почти полуметра. Конструкция скрепляется с помощью одной-двух заклепок.

Наиболее интересна первая группа, где подавляющее большинство наконечников имеет массивные граненые втулки, заканчивающиеся фасетированными муфтами. Перо во многих случаях более чем на треть заходит во втулку, с плавным сужением к муфте и обычным для мечей острием.

Наконечники такой конструкции известны в пшеворской культуре на территории Польши (Черневка (рис. 13,6); Тарнуво (рис. 13,8); Родава (рис. 13,9)), в Дагестане

(Куркли (рис. 13,2)) и Южном Приуралье (Лебедевка (рис. 13,1)) [Czarnecka, 2010, гус. 9; 2021; Давудов, 2012]. Подобные экземпляры зафиксированы по границе лесостепи и степи в Белгородской (рис. 13,1) и Воронежской (Старая Тойда, рис. 13,4) областях, известны нелокализованные находки из Среднего Поднепровья (рис. 13,3,5,7,10) [Радюш, 2014а, рис. 3].

К этой группе наконечников конструктивно близка и вторая, более простая по исполнению, с круглыми втулками, иногда с кольцом-муфтой в нижней части втулки, обычно такие наконечники меньше по размерам (рис. 12). Известны они на территории Венгрии (Чонград-Бешени (рис. 12,1); Печ-Усог (рис. 12,4)), Среднего Поволжья (Восход / Покровск (рис. 12,6)), Приуралья (Лебедевка (рис. 12,2)), Среднего Поднепровья (рис. 12,7), Восточного Причерноморья (Цибилеум-8 (рис. 12,3)). Находка лезвия без втулки известна на Среднем Дону (Ксизово-17Б (рис. 12,5)) [Обломский, Козмирчук, 2015, рис. 191,7]. Форма пера листовидная, ромбовидная или короткая мечевидная, только в одном случае зафиксировано массивное перо, изготовленное из обломка меча (рис. 12,7).

Как считает К. Чарнецка, подобная составная конструкция наконечников появляется в ходе интенсивных сармато-германских и гунно-германских контактов [Czarnecka, 2010, s. 125–126]. Они являются в первую очередь церемониальным оружием, с чем вполне можно согласиться. Сами находки из Польши исследовательница относит к финалу пшеворской культуры – конец фазы С3–D1 (325–400/411 гг.). Следует заметить широкое распространение многогранных втулок именно в среде германских культур, тогда как в сарматском вооружении такие образцы единичны. Муфты-кольца часто использовались в конструкциях сарматских копий [Хазанов, 1971, с. 46–47], но в рассматриваемых образцах характерным декором является фасетирование, что может быть связано с общей «фасеточной» модой, распространившейся в конце III – начале V в. как в ювелирном деле, так и в вооружении.

Концентрация «мечевидных» наконечников копий обычной конструкции прослеживается на могильниках юго-востока Литвы (во-

сточнолитовские курганы), в Скандинавии (в Дании, на юге Швеции и островах Готланд и Борнхольм) [Kontny, 2019, fig. 6]. К позднеримскому времени относятся единичные находки из погребения 1 могильника любошицкой культуры Дрезден-Добриц в юго-восточной Германии [Kontny, 2013, fig. 2,3,4]. Концом III – началом IV в. датировано погребение 2 из могильника Чатыр-Даг на южном побережье Крыма [Мыц и др., 2006, табл. 6:3]. В. Казакявичус датировал находки таких наконечников в погребениях из Литвы не ранее конца V в. [Казакявичус, 1988, с. 40–41]. В Восточной Европе из наиболее ранних известен один экземпляр в материалах Братовского кургана в Закарпатье, который датируется первой половиной III в. [Котигорошко, 1979, рис. 2,10]. Эта находка отличается сравнительно небольшими размерами. Ее длина – 17,4 см. Постгуннским временем датируются и находки из Восточного Причерноморья в Цебельдинском некрополе (рис. 10,7,8) [Воронов, Шенкао, 1982, рис. 2,4,5,27–32]. Наибольшее распространение на широком пространстве Европы они получают уже в аварское время.

Если рассмотреть известные находки наиболее массивных копий черняховской культуры, то большая часть из них относится к совершенно другим типам (рис. 10,11–13,15–21). Лишь несколько наконечников имеют мечевидную форму, но не столь массивные размеры и пропорции. Известны два экземпляра из погребений IX и XIV могильника Тыргу-Муреш (рис. 11,9,10) и одна находка из окрестностей поселения Барбара в Среднем Поднепровье (рис. 10,14). Пропорции данных наконечников вполне обычны для копий черняховской культуры.

Использование составных наконечников и «клинков с вырезами» соответствует по хронологическим рамкам, а их распространение в территориальном аспекте совпадает частично. Западнее Днепра находки «клинков с вырезами» совершенно неизвестны, тогда как «мечевидные» наконечники составной конструкции встречаются на позднейших пшеворских памятниках. Но вполне возможно, что подобное совпадение в использовании обломков мечей или подражаний им не случайно.

Весьма интересны наблюдения С.В. Воронятова, исследовавшего так называемый аджимушкый кинжал, который оказался втулкой от копья, обтянутой золотой фольгой и украшенной полудрагоценными камнями в кастах. По мнению нашего коллеги из Эрмитажа, подобные навершия для знамен использовались сарматами, а само по себе использование копья в качестве древка для знамени прослеживается у многих европейских народов в эпосе [Воронятов, 2012а, с. 5–9]. Подобное использование составных наконечников вполне вероятно. В связи с этим можно также обратить внимание на недавние находки инсигний позднего имперского периода на Палатинском холме⁹ в Риме (рис. 14). Сложные по конструкции церемониальные копья длиной 45–50 см состояли из массивных граненых втулок с шестигранными муфтами у основания, изготовленных из латуни и стальных лезвий. По версии итальянских исследователей, они служили в качестве наверший древков, на которые крепились императорские штандарты [Panella, 2011, s. 25–28; Ferrandes, Pardini, 2011, p. 177–180].

Польская коллега К. Чарнецка не исключала переделку поломанных мечей в подобные изделия. По ее мнению, особый характер этого оружия подтверждается бронзовыми и серебряными аппликациями. Обшитое серебряным листом фиксирующее кольцо использовалось в экземпляре из Куркли, а одно из копий из княжеской могилы в Лебедевке было оковано серебром и дополнительно обернуто серебряной лентой [Czarnecka, 2021, s. 192]. Переработка фрагмента клинка в наконечник, вероятно, имела не только практический аспект – использование куса качественного металла. Целью могло быть сохранение ценного наследственного меча или принадлежавшего известному воину. Мотив сломанного меча, перекованного заново для наследника героя, появляется в раннесредневековых скандинавских сагах, поэтому он мог каким-то образом присутствовать в традициях и воображении людей конца античности. Объединение фрагментов для создания нового меча практически невозможно, он теряет свои качества рубящего оружия [Czarnecka, 2010, s. 126], в то время как использование фрагмента клинка для изготовления листа наконеч-

ника – это вполне возможно. Мотив перековывания обломков необычного, выкованного карликами (гномами), меча по имени Grásiða («серый клинок») в острие копья появляется в средневековой исландской Саге о Гислиме-преступнике. Интересно, что это делает кузнец-колдун, искусный в магии (Gisla saga Súrssonar) [Czarnecka, 2021, s. 196]. Здесь можно заметить, что даже без драгоценных металлов конструкция наконечников первой группы довольно трудоемка и, следовательно, имела уже более высокую стоимость по сравнению с обычными копьями. По моему мнению, другой гипотезой, близкой по смыслу предложенной К. Чарнецкой, может быть использование для изготовления ритуальных предметов обломков трофейных мечей, полученных от побежденных противников, что могло быть символом победы и получения его силы и опыта. Поэтому в зависимости от особенностей таких культов могли изготавливаться ритуальные наконечники и своеобразные кинжалы (если мы все же не ошибаемся в их функциональном назначении).

В качестве осторожной гипотезы можно предположить, что все подобные изделия (и клинки, и составные наконечники копий) могли быть связаны с особыми воинскими культами [Радюш, 2014а, с. 242], в которых вполне могли смешаться различные элементы: культ меча, известный по письменным источникам у сарматов, традиции ритуальных германских копий и заимствование из церемониала римской империи. За пределами кавказского и крымского ареалов подобные находки могли быть связаны с жертвоприношениями и отправлениями этого культа кочевническими группировками во время передвижения, что отмечалось венгерскими исследователями [Иштванович, Кульчар, 2009, с. 150].

В погребальном обряде черняховской культуры на протяжении всего времени ее существования отсутствует выраженная милитаризация культуры, что в целом характерно для многих культур позднеримского времени. Опыт исследования «воинских» погребений черняховской культуры показал высокую вариативность таких комплексов. Прак-

тически все погребения индивидуальны в деталях обряда. При их подробном изучении, так же, как и при рассмотрении черняховской погребальной традиции в целом, отчетливо выделяется эклектичность соединения разных элементов: вельбарских, пшеворских, позднескифских, единичных сарматских, что делает невозможным однозначное определение этнической принадлежности большей их части [Хлевов, 2010, с. 60]. Для финала черняховской культуры для «воинских» погребений в целом характерно преобладание пшеворских традиций, тогда как вельбарские, распространенные на начальном этапе, проявляются в значительно меньшей степени [Гопкало, 2016, с. 93].

Синтез римско-германского и восточно-европейского вооружения демонстрируют также некоторые воинские погребения из варварских могильников, синхронных черняховской культуре в Крыму (Нейзац, Дружное, Инкерман, Озерное, Сувлу-Кая, Чатыр-Даг, Ай-Тодор / Харакс и др.), на некоторых из них отмечается и германское влияние¹⁰.

Яркие «сарматские» черты имеют лишь отдельные погребения с черняховскими импортами на юго-восточной границе культуры и могильники на территории Буджака, где, очевидно, расселились сарматские группировки, вошедшие непосредственно в состав черняховской общности. В отдельную группу следует выделять захоронения с южной ориентировкой, найденные в Румынии, среднем и левобережном Поднепровье. Связывать же с «сарматским» влиянием основную часть трупоположений с оружием представляется преждевременным. И погребальные обряды, и данные антропологии указывают, скорее, на значительный «позднескифский» элемент в культуре¹¹. Здесь можно отметить и крайне редкое помещение в могилы деталей конского снаряжения, на больших черняховских некрополях они практически неизвестны. Символами принадлежности к всадничеству могли служить нагайки¹², которые позволяют отличить «германский» (со шпорами) и «кочевнический» способы управления конем.

Отдельные предметы вооружения в позднеримское время довольно сложно интерпретировать в этнокультурном отношении. К «германским» можно отнести детали щи-

тов (умбоны, рукояти), однако они встречаются и в отдельных кочевнических погребениях. Для решения вопроса о местном (восточноевропейском – боспорском, сарматском) и не местном производстве (римско-германском) длинных мечей необходимо обширное исследование, не ограничивающееся рамками культур. Заимствование пластинчатых и других типов шлемов от сарматов – вполне естественный процесс, финал его наблюдается уже в вендельскую эпоху в Скандинавии. Пожалуй, только предметы вооружения, вероятно связанные с культом меча вроде приводимых в настоящей статье «клинков с вырезами» и составных наконечников копий, можно связывать с особыми ритуалами, появляющимися у кочевого населения. Однако рассматривать их как боевое оружие нужно с осторожностью. Культы, связанные с мечом, фиксировались античными авторами начиная с середины I тыс. до н.э., они известны у сарматов, алан и гуннов. «Клинки с вырезами» после широкого распространения в IV–V вв. в период экспансии алан и гуннов продолжают встречаться лишь на небольшой территории черноморского побережья Кавказа в VI–VII веках. До сих пор неизвестны подобные наконечники копий более позднего времени.

Судя по имеющимся археологическим данным, развитие вооружения у лесостепных племен Восточной Европы в первой половине I тыс. н.э. в целом было в значительной степени связано с влияниями из Центральной Европы и Римской империи, в меньшей – со стороны степного населения, которое начинает играть важную роль уже ближе к финалу черняховской культуры. Но присутствие разнообразных кочевнических группировок и влияние их традиций на воинскую среду несомненно. Важнейшим источником инноваций в военном деле, вооружении и снаряжении для многих варварских общностей служила позднеримская армия. И германские, и сарматские группировки принимали активное участие в войнах как с Римской империей, так и в качестве союзников и в III в., и в еще большем масштабе – в IV веке. Смещение разнокультурных традиций происходит в результате войн, набегов, миграций, и одним из центров этого смещения могла стать территория черняховской культуры. В IV–V вв. в герман-

ском обществе формируется дружинная культура эпохи Великого переселения народов, включившая в себя и ряд кочевнических элементов в костюме и вооружении, сохранявшихся в изобразительном искусстве и литературной традиции германского эпоса, истоки которой прослеживаются с позднеримского времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Применение данного термина позволяет абстрагироваться от этноплеменной атрибуции обрядовых черт и вещей, обнаруживаемых в ареале черняховской культуры, но уверенно связанных с кочевым миром, поскольку этнополитическая ситуация в степи была несколько сложнее, чем представлялось исследователям еще совсем недавно [Кривошеев, Малашев, 2019; Малашев, Кривошеев, 2022, с. 35–37; 2023, с. 273–274].

² В настоящее время известны могильники Мутин и Каменка на р. Сейм в Сумской области, а также одно разрушенное погребение и отдельные находки в Курской области в верховье р. Оскол.

³ Всего известно не менее 13 экземпляров, однако большинство таких наконечников сосредоточено в Северной и Центральной Европе [Nachmann, 1993; Dobrzańska, 2001, fig. 5; Яценко, Добжаньска, 2012, с. 494, рис. 1; Воронятов, 2012б, с. 422–424; 2014, с. 59–60]. В целом находки таких орнаментированных наконечников, как их ни интерпретировать, демонстрируют близкие контакты между германцами и сарматами в военной сфере во II–III веках. Какого рода? Пока это остается дискуссионной темой.

⁴ При оценке количества погребений необходимо учитывать, что раскопками исследована незначительная часть могильников черняховской культуры. В разных регионах степень изученности памятников также различна, к тому же далеко не все черняховские некрополи были исследованы в полном объеме. К сожалению, полевую методику и качество фиксации и публикации материалов многих ранних раскопок не всегда можно считать удовлетворительными. Часть материалов и документации дореволюционных и довоенных раскопок пропала во время Великой Отечественной войны. В результате современные представления о некоторых дореволюционных и довоенных полевых исследованиях фрагментарны. Кроме того, часть погребений были обнаружены случайно местными жителями и не исследовались профессионально.

⁵ Высшая категория I по Ф. Бирбрауеру обычно представлена одиночными погребениями или небольшими некрополями. К подкатегории Ia от-

носятся мужские погребения, характеризующиеся наличием золотых Т-образных «чиновничьих» фибул римской традиции, золотых гривен, браслетов и перстней, элементов престижного костюма, а также предметов «парадного» воинского и конского снаряжения, дорогой посуды из пиршественного набора. К подкатегории Ib относятся мужские захоронения с золотыми гривнами, золотыми пряжками ременной гарнитуры с декором в стиле перегородчатой инкрустации и отдельными сосудами из пиршественного набора. Также характерно присутствие мечей и элементов конского снаряжения.

⁶ Учитывая сохранность металла, качество фиксации и публикаций, далеко не всегда можно разделить эти две традиции. Качественные критерии дифференциации клинков до сих пор не выполнены.

⁷ В связи с частыми коррозионными повреждениями, связанными, как правило, именно с плечиками мечей, выделение этого типа нередко затруднительно [Симоненко, 2010, с. 58].

⁸ Данные находки отнесены к поздне римскому времени М.Е. Левадой, хотя не исключена их чуть более поздняя дата.

⁹ Обычно данная находка относится к моменту гибели императора Максенция во время битвы у Мульвиного моста в 312 году.

¹⁰ На этих могильниках количество оружия в ингумациях IV в. значительно увеличивается по сравнению с III в. [Храпунов, 2010, с. 552].

¹¹ Антропологические исследования серий черепов демонстрируют, что черняховское население из разных регионов, по физическому типу соответствующее кельтским сериям, известно на западной, центральной Украине и в Молдове; германским – в Среднем и Нижнем Поднепровье; балтским – в Среднем Поднепровье, в частности в лесостепи

Днепровского Левобережья, и в нижнем Поднепровье; поздне скифским – на центральной Украине, Днепровском Левобережье и Причерноморье; средиземноморским – в Причерноморье; фракийским – на западной Украине и в Молдове; сарматским, аланским, с известными оговорками, – в некоторых черняховских сериях Днепровского Левобережья, Причерноморья, Молдовы. Таким образом, антропологические наблюдения позволяют говорить о центральноевропейском, балтском компонентах, присутствии ираноязычных народов, а также эллинов – выходцев из северопричерноморских античных городов [Гопкало, 2016, с. 68]. Среди населения поздне скифских поселений были и сарматы, хотя процент их считается небольшим. Но они присутствуют практически на всех отдельных поздне скифских могильниках Нижнего Поднепровья и Крыма. Остается проблема, заключающаяся в фиксации самого сарматского присутствия, но невозможности уверенно ответить на причины – проникновение сарматского компонента в черняховскую среду возможно было опосредованным – через выходцев из поздне скифской среды, в составе которой тоже фиксировались сарматы. По мнению киевских исследователей, это вполне вероятно, если какая-то часть сармат или их потомков переходила к оседлой жизни [Гопкало, Рудич, 2018, с. 95–99].

¹² Антропологическое изучение останков воина, захороненного в погребении 12 могильника Дальний (Выдрин), выявило выраженные признаки всадника [Радюш, Васильев, 2022]. Эти признаки включают различные анатомические особенности, такие как особая структура кости ног, позволяющая легче управлять лошадью, наличие следов травм, которые могут быть обусловлены особенностями верховой езды.

ПРИЛОЖЕНИЯ

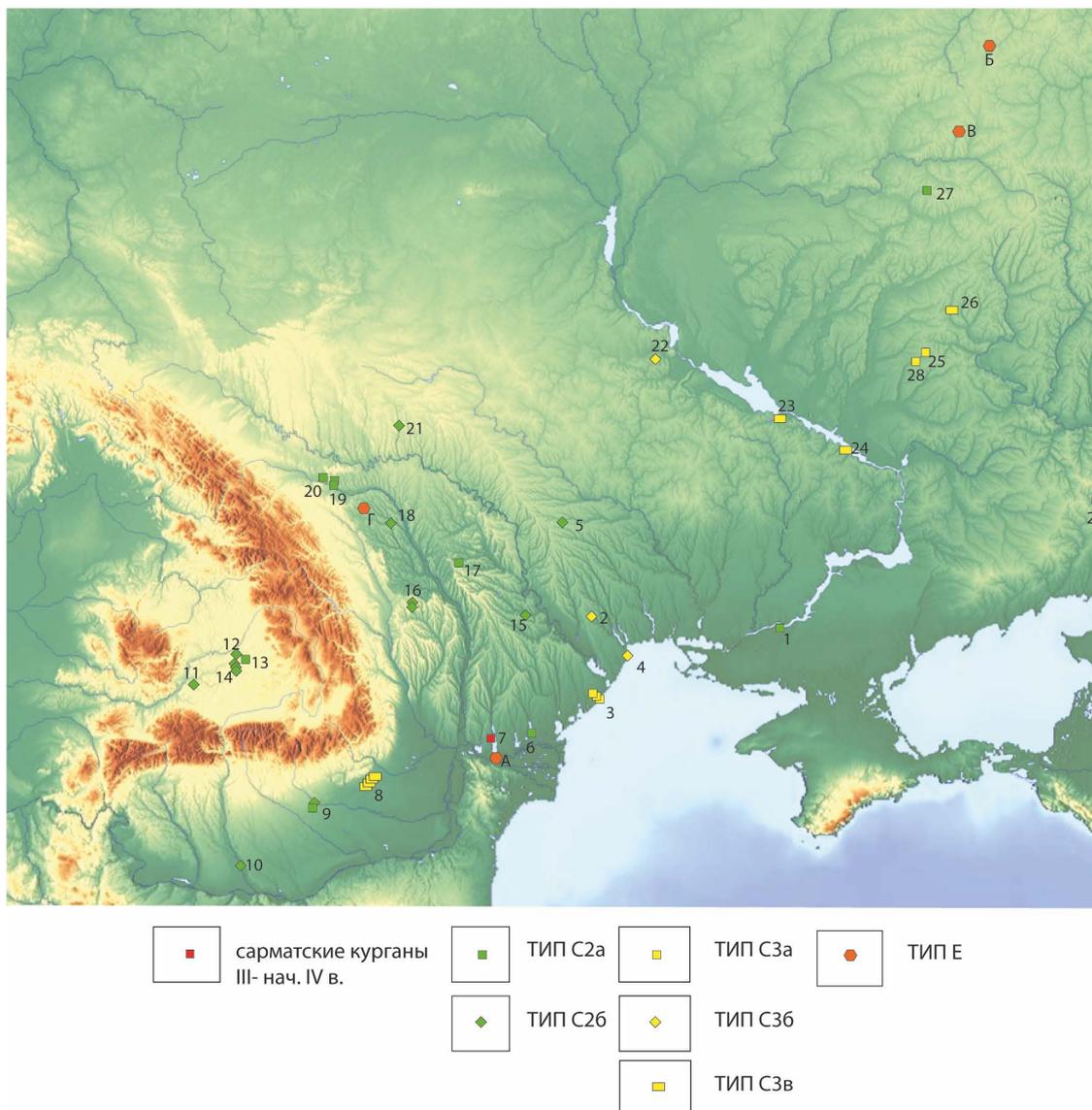

Рис. 1. Распространение труположений с оружием на могильниках черняховской культуры, позднесарматских памятниках с черняховскими элементами и отдельные погребения знати эпохи Великого переселения народов с оружием:

А – Ялпуг; *Б* – Поршино / Круглица; *В* – Волниковка; *Г* – Кончешти.

- 1 – Городок Николаевка; 2 – Кошары; 3 – Беленькое; 4 – Киселово; 5 – Кринички; 6 – Холмское; 7 – Виноградовка / Курчи; 8 – Петроаселе; 9 – Тыргшору; 10 – Дрегенешть; 11 – Чиумбруд; 12 – Фынтынеле-Риц; 13 – Сынтана-де-Муреш; 14 – Тыргу-Муреш; 15 – Балцаты; 16 – Лецкань; 17 – Слобозия Кишкерень (Лазо); 18 – Михелешень; 19 – Горошевцы; 20 – Одая; 21 – Ружичанка; 22 – Ромашки; 23 – Максимовка; 24 – Яременки; 25 – Кантемировка; 26 – Золочев; 27 – Дальний (Выдрин); 28 – Сторожевое; 29 – Моспинская

Fig. 1. Distribution of burials according to the rite of corpse laying with weapons on the burial grounds of the Chernyakhov culture, late Sarmatian monuments with Chernyakhov elements and individual burials of the nobility of the era of the Great Migration of peoples with weapons:

A – Yalpug; *B* – Porshino / Kruglica; *B* – Volnikovka; *G* – Koncheshti.

- 1 – Gorodok Nikolaevka; 2 – Koshary; 3 – Belen'koe; 4 – Kiselovo; 5 – Krinichki; 6 – Holmskoe; 7 – Vinogradovka / Kurchi; 8 – Petroasele; 9 – Târgșoru; 10 – Drăgănești; 11 – Ciumbrud; 12 – Fintîn ele-Riț; 13 – Sântana de Mureș; 14 – Târgu Mureș; 15 – Bălțata; 16 – Lețcani; 17 – Slobozia-Chișcăreni (Lazo); 18 – Mihălășeni; 19 – Goroshevcy; 20 – Odaya; 21 – Ruzhichanka; 22 – Romashki; 23 – Maksimovka; 24 – Yaremenki; 25 – Kantemirovka; 26 – Zolochov; 27 – Dal'niy (Vydrin); 28 – Storozhevoe; 29 – Mospinskaya

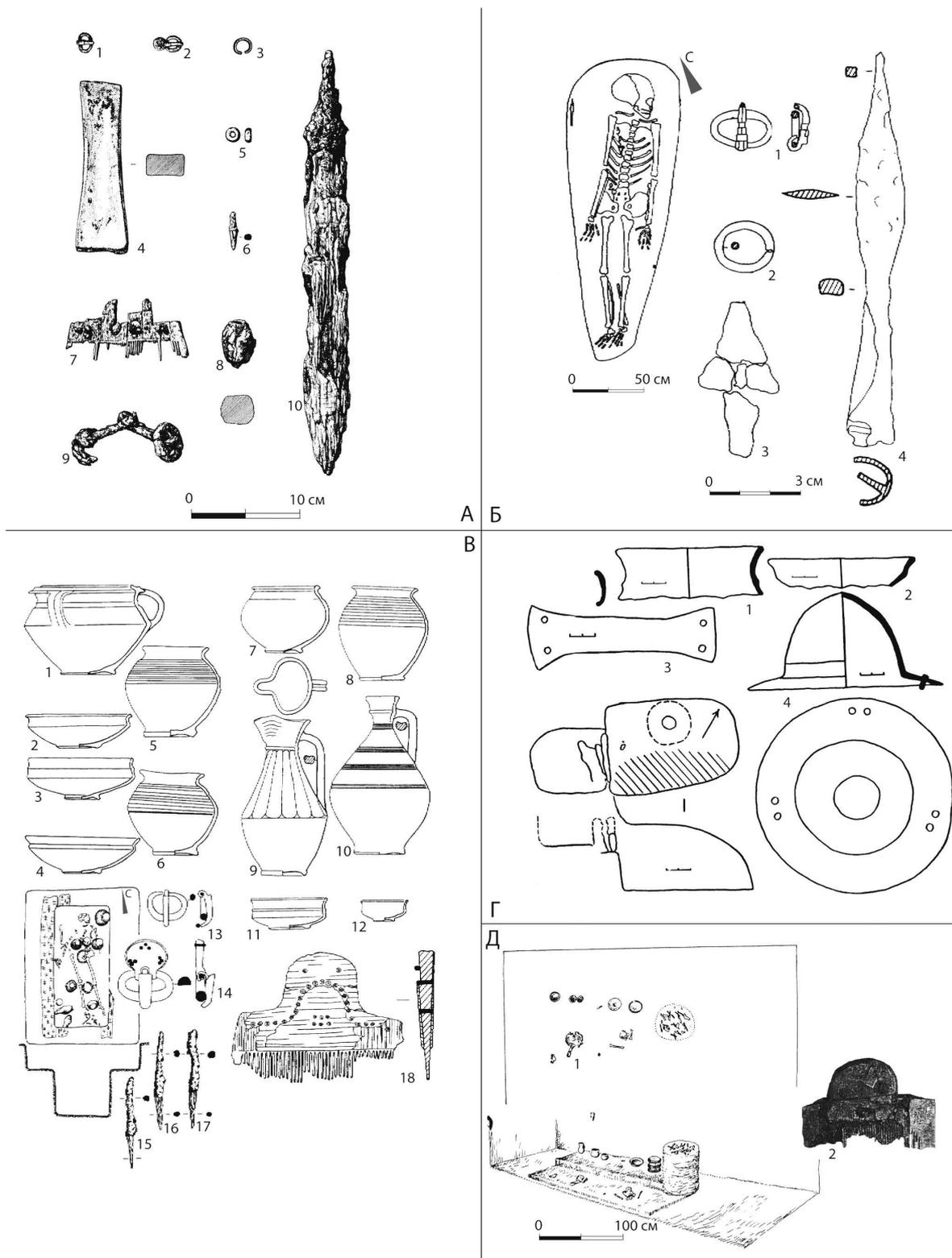

Рис. 2. Погребения с оружием типа С2б (Б), С2а (А, В, Д), С3а (Г):

А – Городок-Николаевка, погр. 21; Б – Лецкань, погр. 25; В – Слобозия / Кишкерень, погр. 20;
Г – Беленькое, погр. 6; Д – Чиумбруд, погр. 34

Fig. 2. C2b (B), C2a (A, B, D), C3a (Г) type burials:

А – Gorodok-Nikolaevka, burial 21; Б – Lețcani, burial 25; В – Slobozia-Chișcăreni, burial 20;
Г – Belen'koe, burial 6; Д – Ciumbrud, burial 34

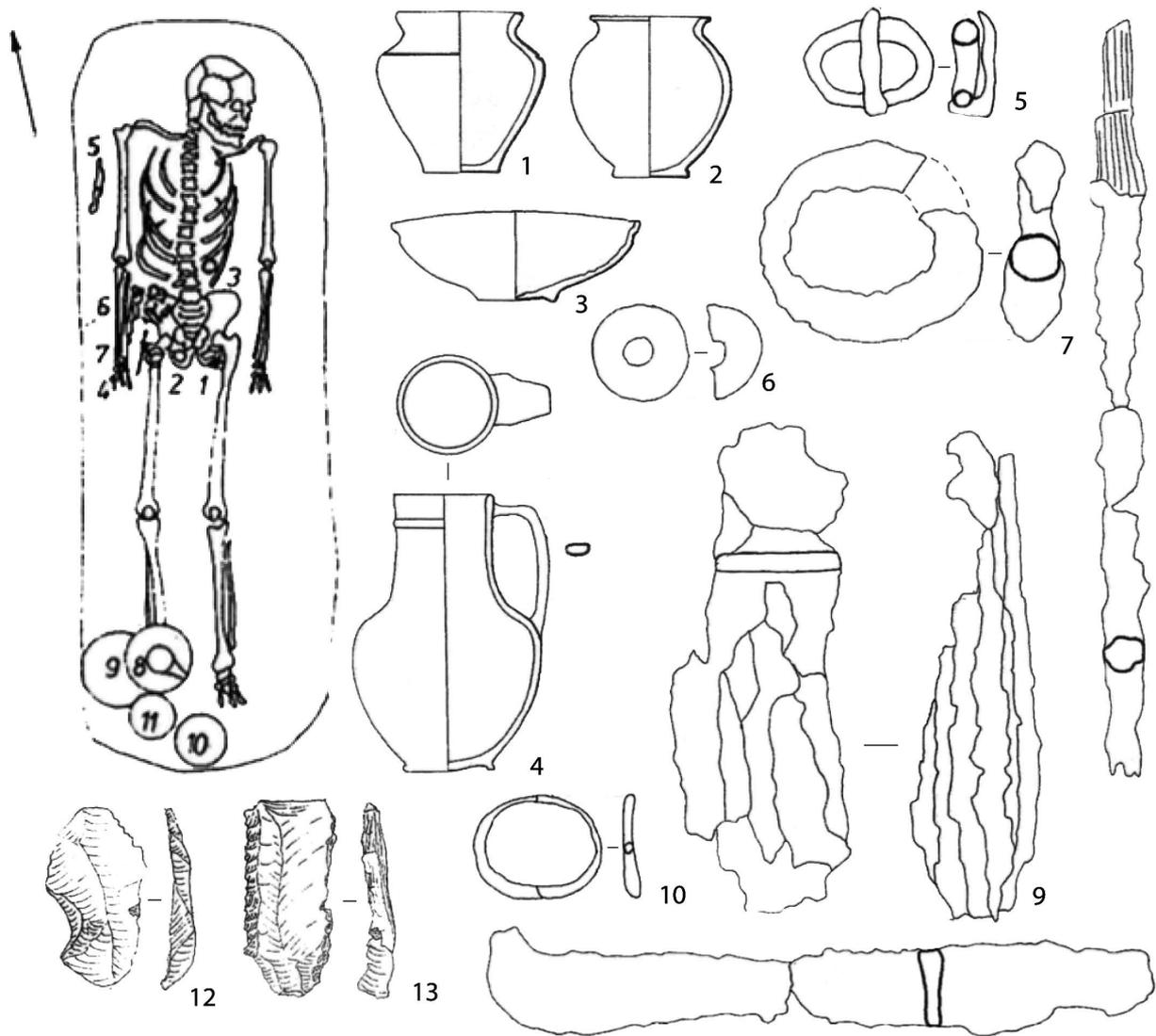

Рис. 3. Погребения типа С2б. Михелешень, погр. 169

Fig. 3. C2b type burials. Mihălășeni, burial 169

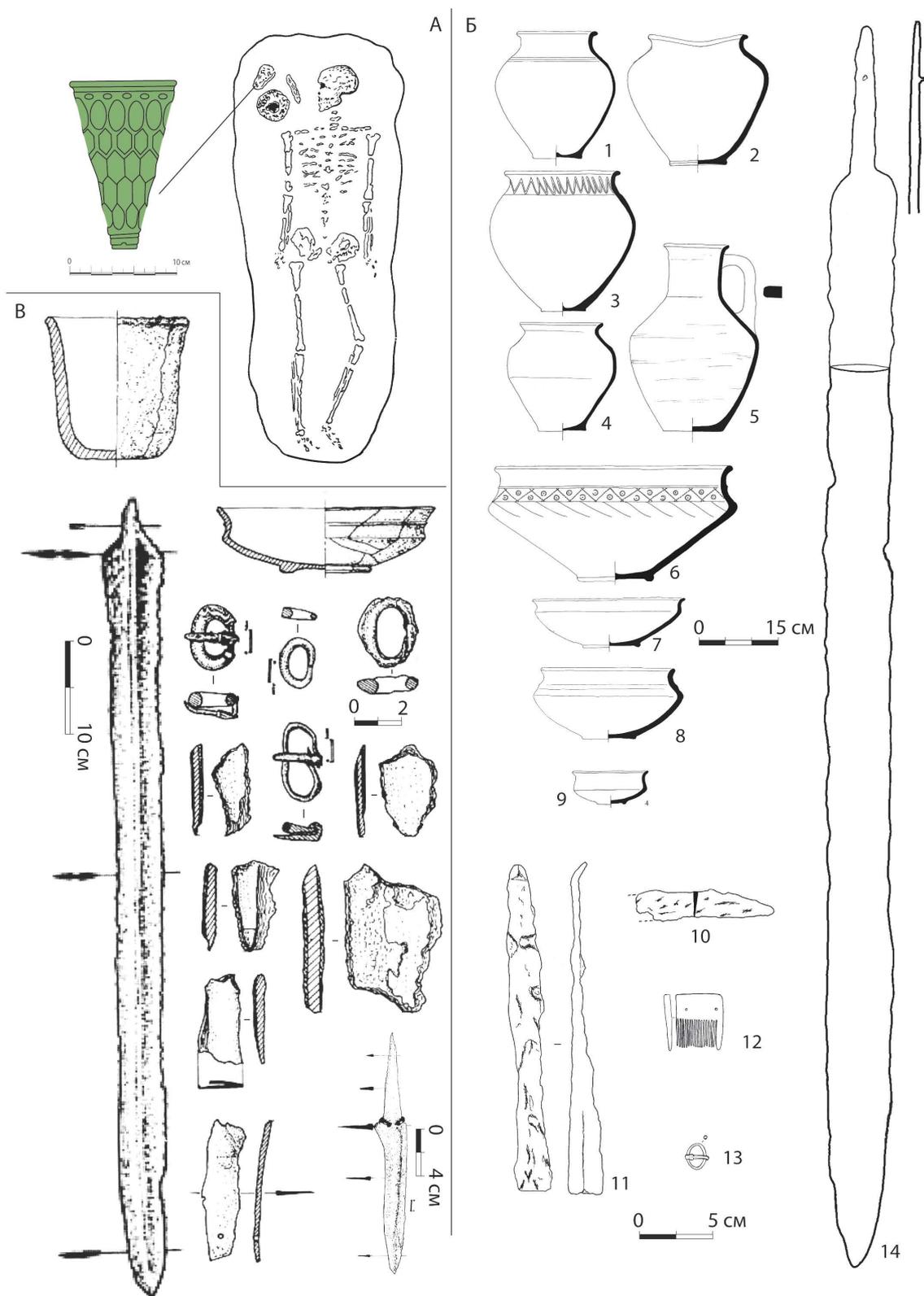

Рис. 4. Погребения типа СЗв:

А – Киселово; Б – Золочев; В – Петроаселе, погр. 19

Fig. 4. СЗb type burials:

А – Kiselovo; Б – Zolochев; В – Petroasele, burial 19

Рис. 5. Погребения типа С2б:

А – Холмское, погр. 23; Б – Тыргшору, погр. 444

Fig. 5. C2b type burials:

А – Kholm'skoye, burial 23; Б – Târgșoru, burial 444

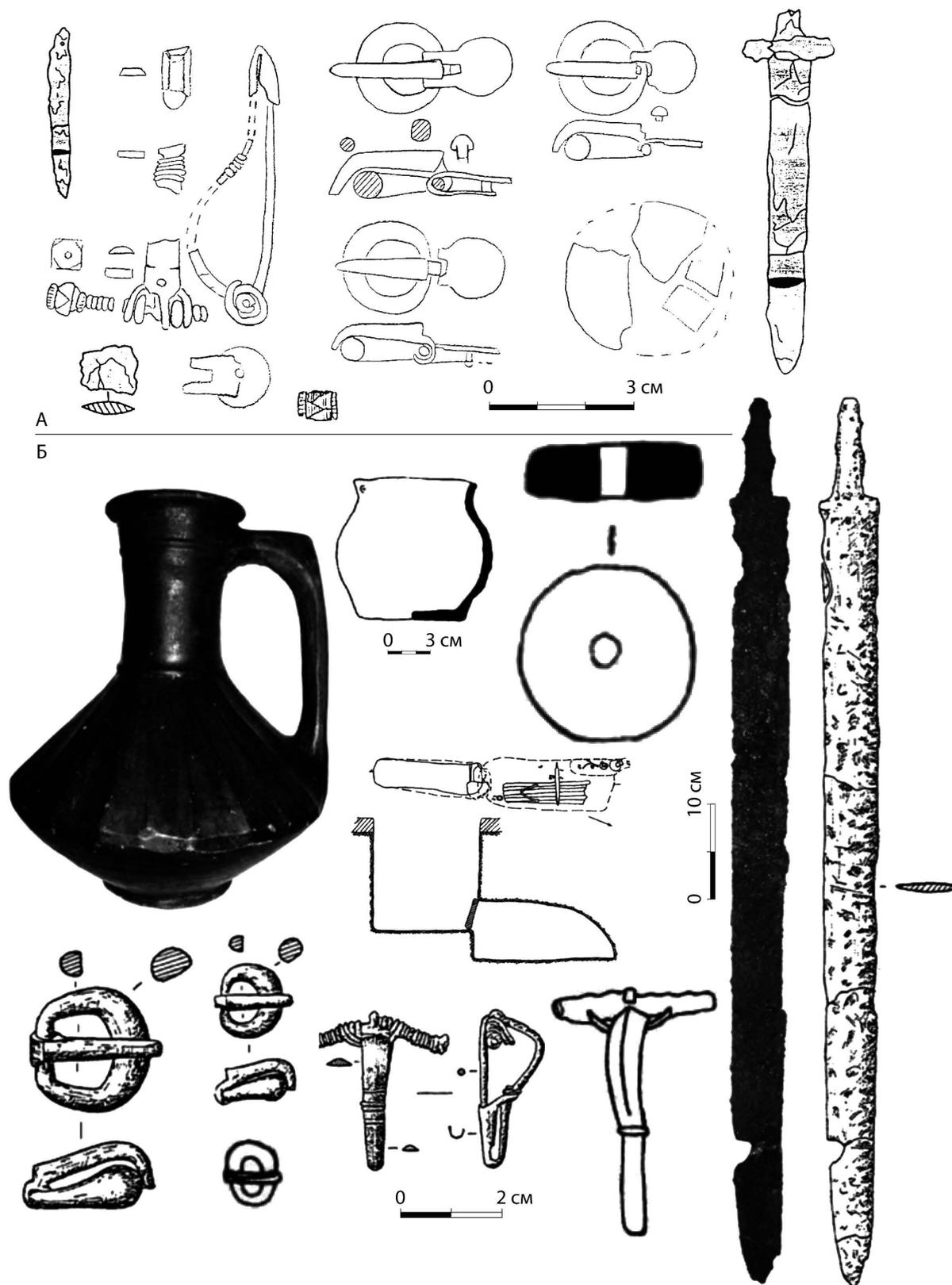

Рис. 6. Погребения типа С3б (А), С3в (Б):

А – Яременки; Б – Мospинская, кург. 1, погр. 1

Fig. 6. Burials of type C3b (A), C3v (B):

A – Yaremenki; B – Mospinskaya, kurgan 1, burial 1

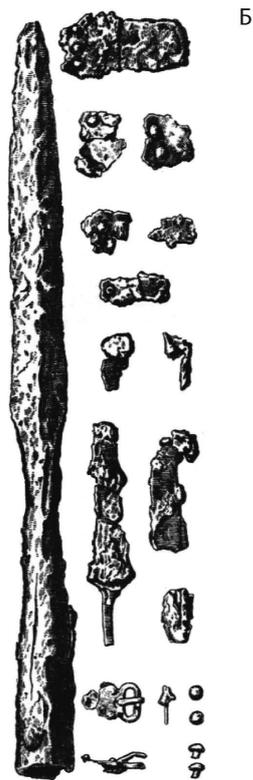
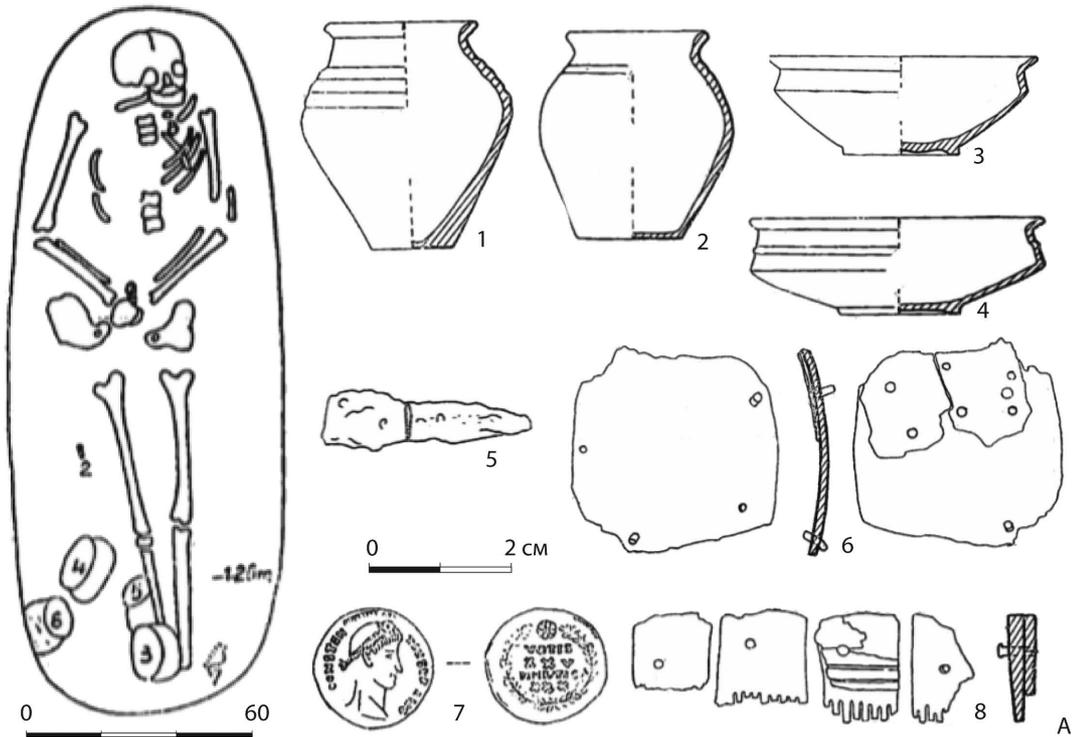

Рис. 7. Погребения типа С26 (А–Б):

А – Лецкань, погр. 21; Б – Тыргу-Муреш, погр. XIV

Fig. 7. Burials of type C26 (A–B):

A – Lețcani, burial 21; B – Târgu Mureș, burial XIV

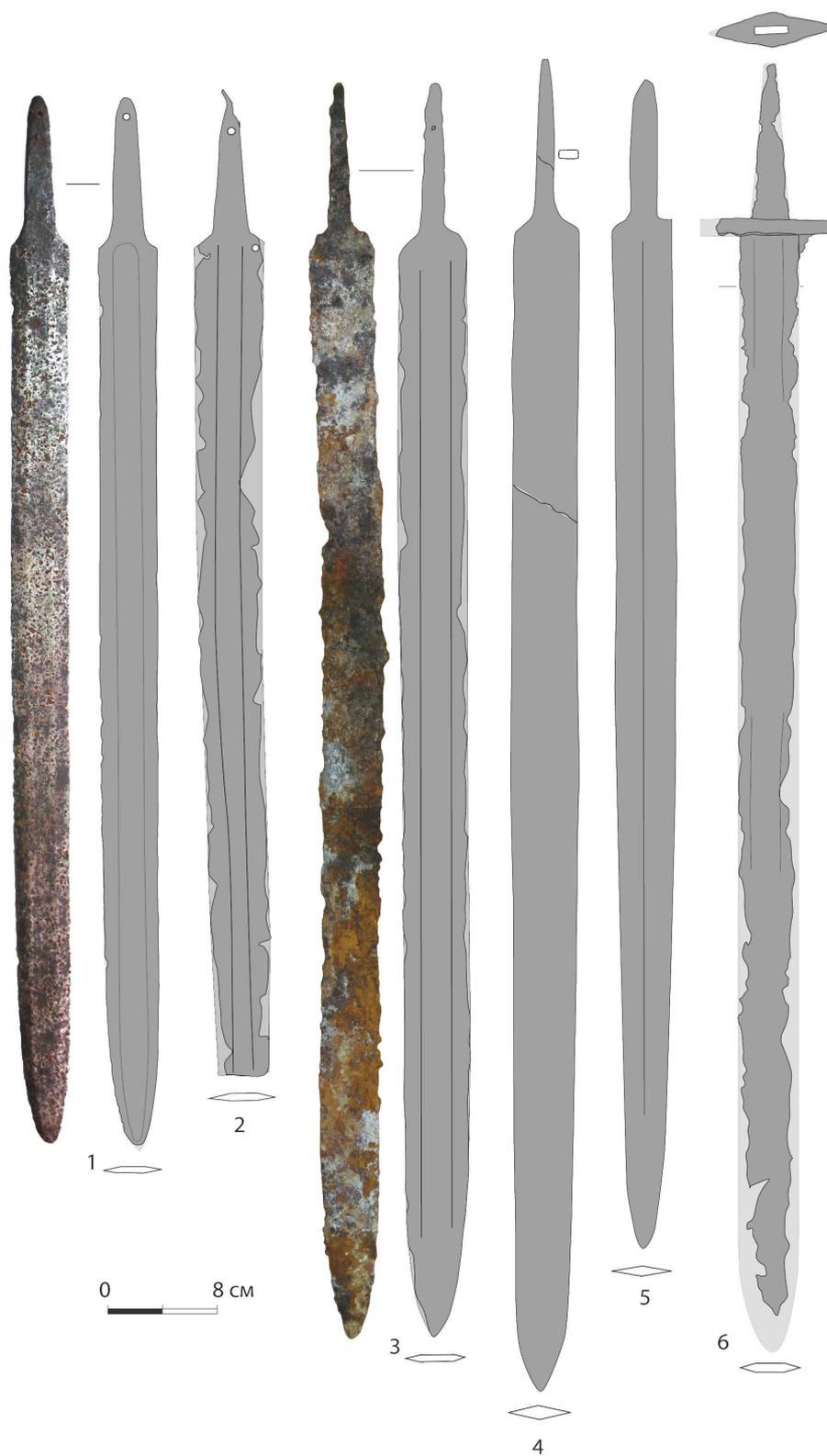

Рис. 8. Мечи типа 2 по А.М. Хазанову с территории черняховской культуры:

1 – Клепачи, 2 – Могрица; 3 – Золочев; 4 – Търгшору, погр. 444; 5 – Беленькое, погр. 175; 6 – Круглица / Поршино

Fig. 8. Type 2 swords according to A.M. Khazanov from the territory of the Chernyakhovsky culture:

1 – Klepachi, 2 – Mogrica; 3 – Zolochiv; 4 – Târğşoru, burial 444; 5 – Belen'koe, burial 175;

6 – Kruglica / Porshino

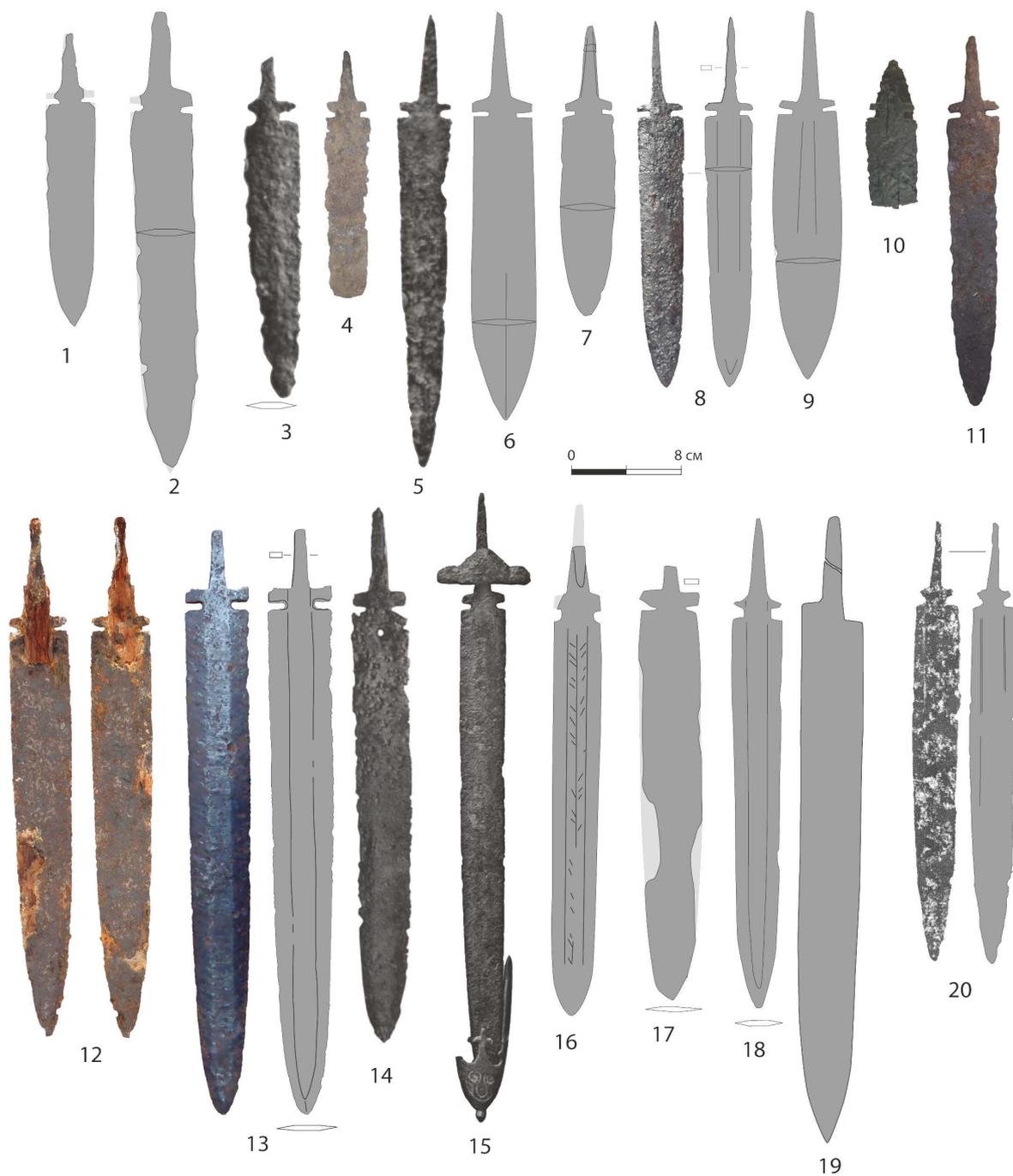

Рис. 9. «Клинки с вырезами»:

1 – Будешти, погр. 196; 2 – Дрегенешть-Олт, погр. 9; 3, 5 – Флерковка; 4 – Хотень; 6, 9 – Мотронинское; 7 – Сквородиновка; 8 – Пены-1; 10 – Серповка-2; 11 – Горбуновка; 12 – Дальний (Выдрин), погр. 12; 13 – Картамышево; 14 – Чилиене; 15 – Пастырское / Галушино; 16 – Ясы-Николина; 17 – Петроаселе, погр. 9; 18 – Сенча; 19 – Тыргшору погр. 444; 20 – Седнев

Fig. 9. «Blades with cutouts»:

1 – Budești, burial 196; 2 – Drăgănești-Olt, burial 9; 3, 5 – Flerkovka; 4 – Hoten'; 6, 9 – Motroninskoe; 7 – Skovorodinovka; 8 – Peny-1; 10 – Serpovka-2; 11 – Gorbunovka; 12 – Dal'niy (Vydrin), burial 12; 13 – Kartamyshevo; 14 – Ciliene; 15 – Pastyrsкое / Galushchino; 16 – Iași-Nikolina; 17 – Petroasele, burial 9; 18 – Sencha; 19 – Târgșoru, burial 444; 20 – Sednev

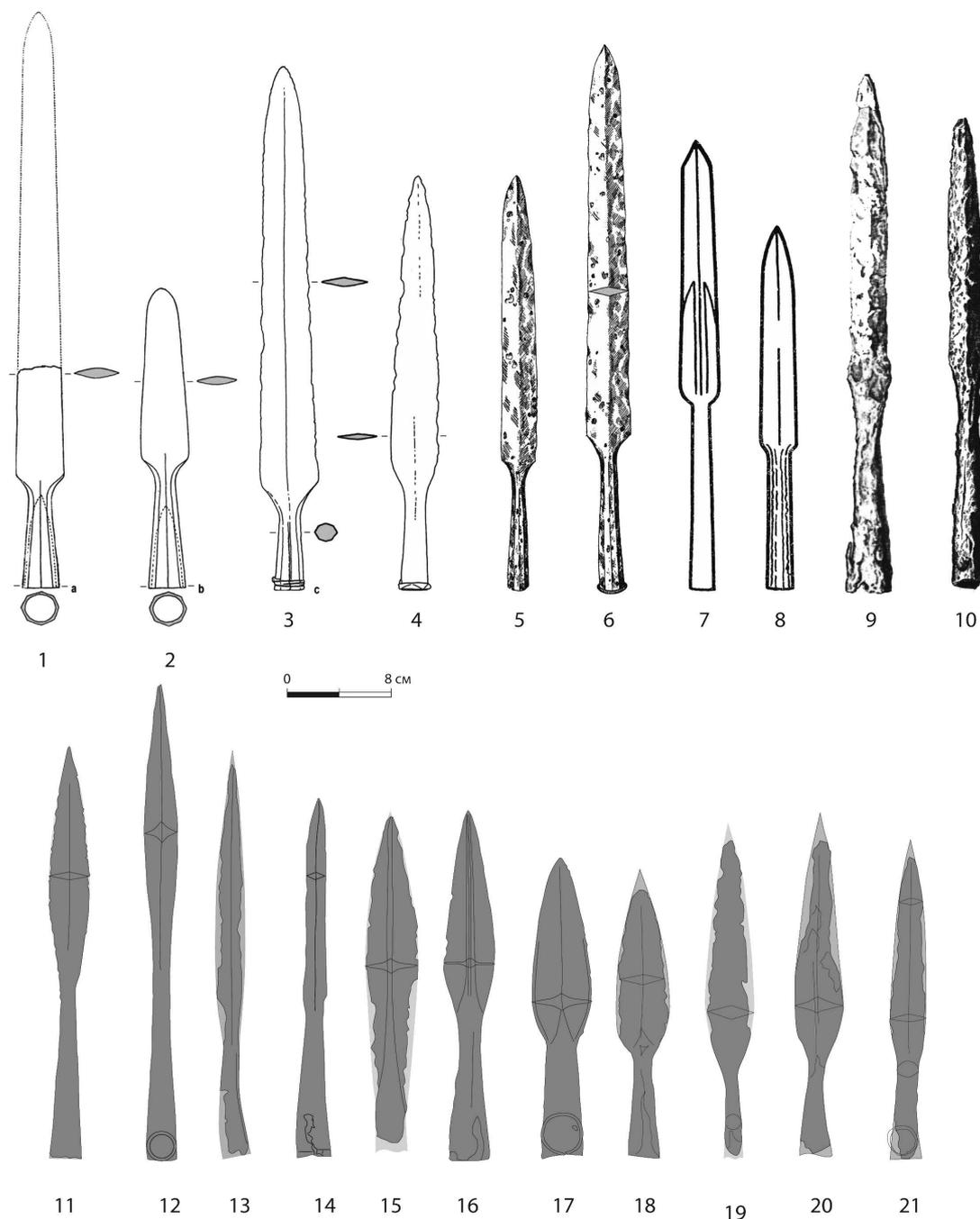

Рис. 10. Мечевидные наконечники копий и наиболее крупные наконечники, найденные на памятниках черняховской культуры:

1, 2 – Дрезден-Добритц, погр. 1; 3 – Чатыр-Даг, погр. 2; 4 – Чатыр-Даг, погр. 3; 5, 6 – Григишкес-Неравай, кург. 20; 7, 8 – Шапка; 9 – Михелешень, погр. IX; 10 – Михелешень, погр. XIV; 11, 15 – Собарь; 12 – Петроаселе, погр. 6; 13 – Успенка; 14 – Барбара II; 16 – Компанийцы; 17 – Могошани; 18 – Малая Рогозуновка; 19 – Гура-Быколуй; 20 – Оселивка, погр. 70; 21 – Дмитровка III

Fig. 10. Sword-like spearheads and the largest spearheads found on the monuments of the Chernyakhovsky culture:

1, 2 – Drezden-Dobritz, burial 1; 3 – Chatyr-Dag, burial 2; 4 – Chatyr-Dag, burial 3; 5, 6 – Grigiškės-Neravų, kurgan 20; 7, 8 – Shapka, 9 – Mihălășeni, burial IX; 10 – Mihălășeni, burial XIV; 11, 15 – Sobari; 12 – Petroasele, burial 6; 13 – Uspenka; 14 – Barbara II; 16 – Kompanijcy; 17 – Mogoșani; 18 – Malaya Rogozunovka; 19 – Gura Bicului; 20 – Oselivka, burial 70; 21 – Dmitrovka III

Рис. 11. Распространение комбинированных наконечников копий в IV–V вв.
(окружности красного цвета обозначают регионы, из которых также известны подобные находки):

1 – Тарнувко; 2 – Черневка; 3 – Родава; 4 – Печ-Усог; 5 – Ксизово; 6 – Восход / Покровск;
7 – Лебедевка; 8 – Куркли; 9 – Старая Тойда; 10 – Шапка; 11 – Маяк

Fig. 11. Distribution of combined spearheads in the IV–V centuries
(red circles indicate regions from which similar finds are also known):

1 – Tarnówko; 2 – Czerniewko; 3 – Rodava; 4 – Pécs-Usog; 5 – Ksizovo; 6 – Voskhod / Pokrovsk;
7 – Lebedevka; 8 – Kurkli; 9 – Staraya Tojda; 10 – Shapka; 11 – Mayak

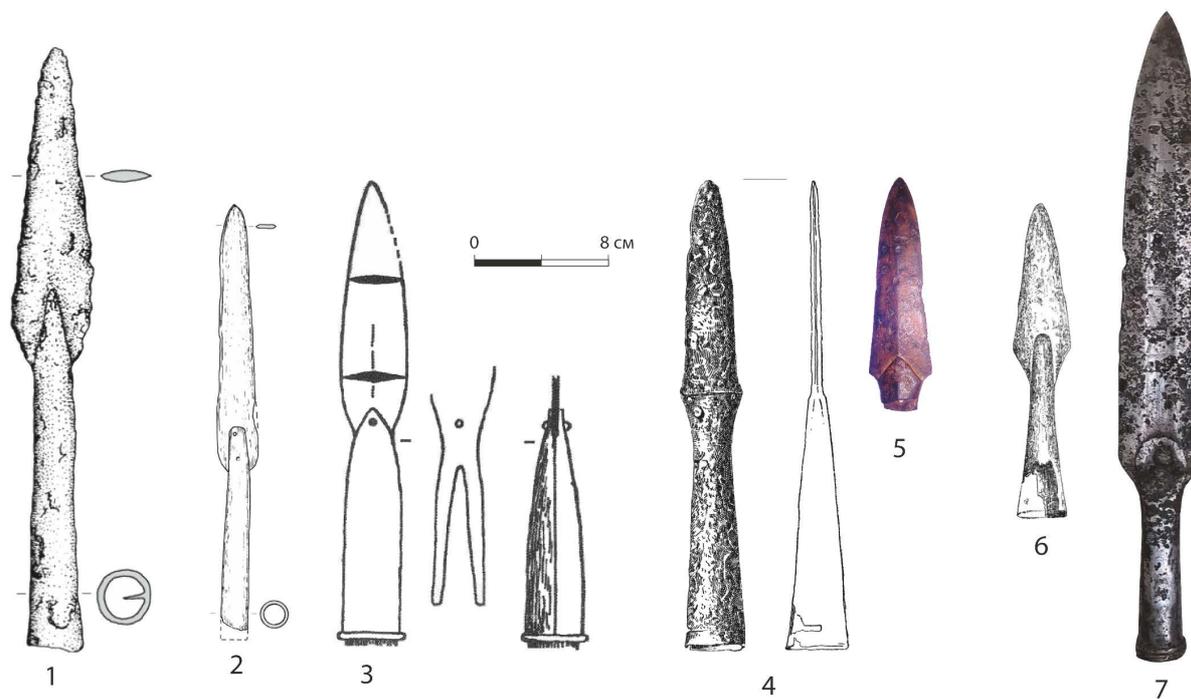

Рис. 12. Комбинированные наконечники копий с круглыми втулками:

1 – Чонград-Бешени, погр. 4; 2 – Лебедевка; 3 – Цибилум-8; 4 – Печ-Усог; 5 – Ксизово-17Б;
6 – Восход / Покровск; 7 – Поднепровье (по: [Czarnecka, 2010])

Fig. 12. Combined spearheads with round sockets:

1 – Csongrád-Bersheni, burial 4; 2 – Lebedevka; 3 – Cibilium-8; 4 – Pécs-Usog; 5 – Ksizovo-17B;
6 – Voskhod / Pokrovsk; 7 – Podneprov'e (after: [Czarnecka, 2010])

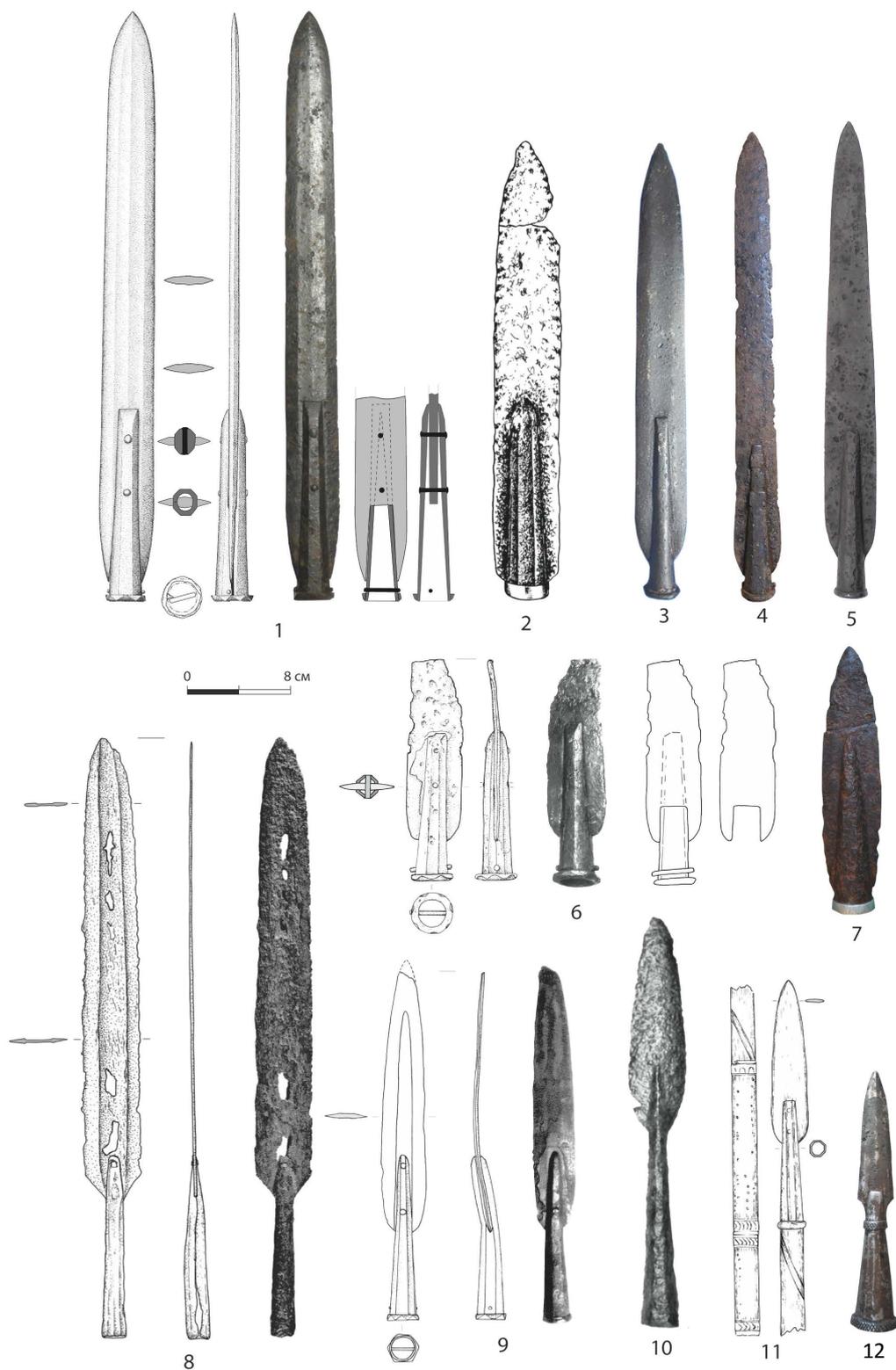

Рис. 13. Комбинированные наконечники копий с гранеными втулками:

1 – Белгородская обл.; 2 – Куркли; 3, 5, 7, 12 – Поднепровье; 4 – Старая Тойда; 6 – Черневка; 8 – Тарнувко; 9 – Родава; 10 – Чонград-Кендерфельдек; 11 – Лебедевка (по: [Czarnecka, 2010])

Fig. 13. Combined spearheads with faceted sockets:

1 – Belgorodskaya obl.; 2 – Kurkli; 3, 5, 7, 12 – Podneprov'e; 4 – Staraya Tojda; 6 – Chervenka; 8 – Tarnuvko; 9 – Rodava; 10 – Chongrad-Kenderfel'dek; 11 – Lebedevka (after: [Czarnecka, 2010])

Рис. 14. Позднеримские церемониальные копья:

1–7 – церемониальные наконечники копий начала IV в., найденные на Палатинском холме в Риме
(по: [Ferrandes, Pardini, 2011])

Fig. 14. Late Roman ceremonial spears:

1–7 – ceremonial spearheads of the beginning of the IV century found on the Palatine Hill in Rome
(after: [Ferrandes, Pardini, 2011])

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А., 2014. Могильник у села Лучистое. Т. II. Раскопки 1984, 1986, 1991, 1993–1995. Боспорские исследования. Suppl. 14. Симферополь-Керчь : Крым. отд-ние Ин-та востоковедения. 400 с.
- Ахмедов И. Р., 2014. Ранняя группа мечей из рязано-окских могильников // Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего Латена до позднего средневековья. Тула : ГМЗ «Куликово поле». С. 24–39.
- Безуглов С. И., 2000. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1. Ростов-на-Дону : Терра. С. 169–193.
- Бетров Р. Ж., 1987. Курганы гуннского времени у селения Кишпек // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 3. Нальчик : Эльбрус. С. 13–25.
- Васильев А. А., 2005. О некоторых особенностях хронологии предметов вооружения германцев в северном Причерноморье (этапы В2 и С1) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций и катастроф. Керчь : Деметра. С. 37–44.
- Васильев А. А., Кармов Т. М., 2008. Шлем из княжеского погребения у с. Кишпек // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 9. С. 238–246.
- Виноградов Ю. А., Горончаровский В. А., 2009. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. – середина III в. н.э.). Труды ИИМК РАН. Т. XXV. СПб. : Фак. филологии и искусств СПбГУ ; Нестор-История. 349 с.
- Виноградов В. Б., Петренко В. А., 1971. Могильники сарматской эпохи на горе Лехч-Корт // Советская археология. № 1. С. 171–180.
- Волошинов В. В., Масякин В. В., 2016. Германские элементы из некрополя Сувлу-Кая // XVII Боспорские чтения : Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь : Науч.-исслед. центр истории и археологии Крыма Крымского ФУ им. В.И. Вернадского. С. 119–126
- Воронов Ю. Н., Шенкао Н. К., 1982. Вооружение воинов Абхазии IV–VII вв. // Древности эпохи Великого переселения народов V–VII веков. М. : Наука. С. 121–165.
- Воронятов С. В., 2012а. Аджимушкское копье – боспорское знамя? // Геральдика – вспомогательная историческая дисциплина. Семинар. СПб. : Гос. Эрмитаж. С. 3–11.
- Воронятов С. В., 2012б. Алано-сарматские мотивы в инвентаре «королевского» погребения позднеримского времени около Мушова в Южной Моравии // Золото, конь и человек. К 60-летию А.В. Симоненко. Киев : КНТ. С. 417–431.
- Воронятов С. В., 2014. О территории сражения готов со спалами в «Getica» Иордана // Война и военное дело в скифо-сарматском мире : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. памяти А.И. Мелюковой (Казань, 26–29 апреля 2014 г.). Ростов н/Д : ЮНЦ РАН. С. 57–72.
- Выборнов В. Ю., Ключнев Н. И., 1998. Позднесарматский курган у с. Лимаревка Луганской области // Проблемы археологии юго-восточной Европы : тез. докл. VII Донской археологической конференции (22–26 ноября 1988 г.). Ростов н/Д : РГУ. С. 92–93.
- Гавриутхин И. О., Пьянков А. В., 2003. Таманский полуостров и Северо-Восточное Причерноморье. Раннесредневековые древности побережья. Древности V–VII веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М. : Наука. С. 191–193.
- Гарбуз И. А., 2012. О способе ношения клинкового оружия с боковыми вырезами у рукояти (по материалам памятников Центрального и Юго-Западного Крыма) // I Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна. Бахчисарай : Бахчисарайский историко-культурный заповедник. С. 21–22.
- Гей О. А., 1999. Проблема выделения скифо-сарматских элементов в черняховской культуре // Евразийские древности : 100 лет Б.Н. Гракову : архивные материалы, публикации, статьи. М. : ИА РАН. С. 131–150.
- Голдина Р. Д., Волков С. Р., 2000. Шлемы Тарасовского могильника // Уфимский археологический вестник. Вып. 2. С. 98–122.
- Гопкало О. В., 2016. Социальная стратификация носителей культуры Черняхов – Сынтана-де Муреш // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 244. С. 65–82.

- Гопкало О. В., Рудич Т. О., 2018. Пізні скіфи та сармати(у складі культури Черняхів – Синтана-де-Муреш (за матеріалами поселення та могильника біля с. Боромля)) // Старожитності лівобережжя Дніпра. Київ ; Котельва : ЦП НАН України і УТОПК. С. 90–101.
- Гопкало О. В., Тылицак В. С., 2010. Римские импорты из металла на могильнике Чернелив-Русский // *Germania-Sarmatia*. Вып. II. Калининград ; Курск : КОИХМ-КГОМА. С. 79–92.
- Гороховский Е. Л., 1988. Кантемировские курганы на Полтавщине и проблема древностей раннегуннского периода на юге Восточной Европы // Тезисы докладов и сообщений областного научно-практического семинара «Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины». Полтава : Полтав. обл. управление культуры. С. 18–19
- Давудов О. М., 2012. Могильник на окраине с. Куркли // Современные проблемы науки и образования. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7566>
- Дмитриев А. В., 1979. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // Советская археология. № 4. С. 212–231.
- Зайцев Ю. П., 1997. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь : Крымский филиал ИА. С. 102–116.
- Засецкая И. П., 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху. СПб. : Эллипс Лтд. 224 с.
- Зубов С. Э., Радюш О. А., 2014. Шлемы Среднего Поволжья в среднесарматское время // Уфимский археологический вестник. Вып. 14. С. 94–104.
- Иштванович Э., Кульчар В., 2009. Мечи / кинжалы с боковыми вырезами в карпатском бассейне // Гунны, готы, сарматы между Волгой и Дунаем. СПб. : Фак. филологии и искусств СПбГУ. С. 143–151.
- Казакивичус В., 1988. Редкая форма наконечников на территории Литвы // Древности Литвы и Белоруссии. Вильнюс : Мокслас. С. 79–88.
- Каминский В. Н., Каминская-Цокур И. В., 1997. Вооружение племен Северного Кавказа в раннем средневековье // Историко-археологический альманах. Вып. 3. Армавир ; М. : Армавир. краевед. музей. С. 61–69.
- Контны Б., Савеля Д. Ю., 2006. Вооружение из могильника в Килен-балке // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XII, ч. 1. Симферополь : Крым. фил. Ин-та востоковедения. С. 129–160.
- Котигорошко В. Г., 1979. Курган первой половины III в. н.э. у с. Братово // СА. № 2. С. 153–162.
- Кривошеев М. В., Малашев В. Ю., 2019 Проблема культурной атрибуции памятников кочевого населения позднесарматского времени Северного Причерноморья // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). Т. V. Материалы X Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Симферополь : ООО «Фирма “Салта” ЛТД». С. 147–153.
- Левада М. Е., 1998. Мечи римского времени восточноевропейского Барбарикума // Археологічний літопис Лівобережною України. Вып. 1–2. Полтава : ВЦ «Археологія». С. 53–58.
- Левада М. Е., 2006. Кинжалы типа Хазанов-V в Среднем Поднепровье // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. VII Боспорские чтения. Керчь : Керченська міська друкарня. С. 192–199.
- Левада М. Е., 2013. О влиянии аланских военных традиций на восточногерманские народы // Крым в сарматскую эпоху. Т. 1. II в. до н.э. – IV в. н.э. Симферополь ; Бахчисарай : Доля. С. 171–187.
- Любичев М. В., 2013. Позднескифский / сарматский компонент в черняховской культуре в лесостепи между Днепром и Северским Донцом: особенности проявления // Варварский мир северопонтийских земель в сарматскую эпоху : сб. ст. к 60-летию А.Н. Дзиговского. Киев : Олег Филюк. С. 64–95.
- Магомедов Б. В., 1999. Сармати у складі черняхівської культури // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в тисячолітті н.е. Київ ; Львів : РАС. С. 132–143.
- Магомедов Б. В., 2000. Сарматские элементы в черняховском погребальном обряде // *Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa*. Łódź : Wydawnictwo uniwersytetu łódzkiego. S. 202–208.
- Магомедов Б. В., 2001. Черняховская культура: проблема этноса. *Monumenta studia Gothica*. Т. 1. Lublin : UMCS. 290 s.
- Магомедов М. Е., Левада М. Е., 1996. Оружие Черняховской культуры // Материалы и исследования по археологии Таврии. Т. V. С. 304–323.

- Малашев В. Ю., Кривошеев М. В., 2022 Позднесарматские памятники Волго-Уралья // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. IV. Эпоха Великого переселения народов. Казань : Изд-во АН РТ. С. 18–37.
- Малашев В. Ю., Кривошеев М. В., 2023. Катакомбные памятники степного Волго-Донья и Предкавказья середины III–IV вв. // Региональные особенности хронологии и периодизации савроматской и сарматских культур : материалы XI Всерос. науч. конф. с междунар. участием «Проблемы сарматской археологии и истории», посвящ. памяти А.С. Скрипкина, г. Волгоград, 15–19 мая 2023 г. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 265–281.
- Матвеев Р. В., 2018. Мечи из могильников III–IV вв. н.э. Волго-Вятского междуречья // Военная археология : сб. материалов Научного семинара «Военная археология». Вып. 4. М. : ИА РАН. С. 6–16.
- Мыц В. Л., Лысенко А. В., Шукин М. Б., Шаров О. В., 2006. Чатыр-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму. СПб. : Нестор-история. 207 с.
- Некрасова А. Н., 2006. Памятники черняховской культуры Днепровского Левобережья // Готы и Рим. Киев : Стилос. С. 87–200.
- Обломский А. М., 2002. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V в. н.э.). Раннеславянский мир. Вып. 5. М. : Наука. 255 с.
- Обломский А.М., Козмирчук И.А., 2015. Поселение позднеримского и гуннского времени Ксизово-19 / Острая Лука Дона в древности // Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV – V в.). Раннеславянский мир. Вып. 16. М. : ИА РАН. 2015. С. 75–134.
- Паламарчук С. В., Фокеев М. М., 2011. Вещевой комплекс ялпугского клада // Древнее Причерноморье. Вып. 9. Одесса : ФЛП «Фридман А.С.». С. 366–376.
- Радюш О. А., 2014а. О северной границе распространения так называемых «кинжалов с вырезами» // *Stratum plus*. № 4. С. 231–245.
- Радюш О. А., 2014б. «Княжеская» и «вождеская» культура начала V века в Верхнем Поднепровье : новые исследования и находки // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 234. С. 234–251.
- Радюш О. А., 2022. Вооружение и кавалерийское снаряжение населения западной части Восточной Европы (II в. до н.э. – V в. н.э.) : в 2 т. : дис. ... канд. ист. наук. М. : ИА РАН. 714 с.
- Радюш О. А., Васильев А. А., 2022. Погребение с оружием на могильнике черняховской культуры Дальний (Выдрин) в Курской области // Нижневолжский археологический вестник. Т. 21, № 2. С. 208–242. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.13>
- Рудинський М. Я., 1930. Кантамирівські могили римськоо доби // Записки ВУАК. Т. 1. Київ : Всеукраїнська Академія наук. С. 127–158.
- Сазонов А. А., 1992. Могильник первых веков нашей эры близ хутора Городского // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп : Адыгея. С. 244–274.
- Симоненко А. В., 2010. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб. : Филол. фак. СПбГУ ; Нестор-история. 327 с.
- Симоненко А. В., 2015. Сарматские всадники Северного Причерноморья. Изд. 2-е, испр. и доп. Киев : Олег Филюк. 466 с.
- Сокольский Н. И., 1954. Боспорские мечи // Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. МИА. № 33. М. : Наука. С. 123–196.
- Схатум Р. Б., 2004. О назначении вырезов у рукояти на кинжалах V–VII вв. // Магистеріум. Вып. 2. Краснодар : КГУКИ. С. 40–47.
- Сымонович Э. А., Кравченко Н. М., 1983. Погребальные обряды Черняховской культуры. САИ. Вып. Д1-22. М. : Изд-во АН СССР. 152 с.
- Фурасъев А. Г., Шаблавіна Е. А., 2019. Концешти. Княжеское погребение эпохи Великого переселения народов. СПб. : Изд-во ГЭ. 244 с.
- Хазанов А. М., 1971. Очерки военного дела сарматов. М. : Наука. 170 с.
- Хлезов А. А., 2010. Оружейная традиция Скандинавии раннего железного века как источник социальной реконструкции // Скандинавские чтения 2008 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб. : МАЭ РАН. С. 58–71.
- Храпунов И. Н., 2002. Могильник Дружное. Monumenta Studia Gothica. II. Lublin : UMCS. 314 с.
- Храпунов И. Н., 2010. Оружие из могильника Нейзац // Terra Barbarica. Studia ofiarowane Magdalenie Mączyńskiej w 65. rocznicę urodzin. Łódź ; Warszawa : Instytut Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego; Fundacja

- Uniwersytetu Łódzkiego; Fundacja Monumenta Archaeologica Barbarica; Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie. S. 535–555.
- Яценко С. А., 2020. Сарматские женские погребения с топорами I–III вв. н.э. // Вещь в контексте погребального обряда. М. : РГГУ. С. 186–191.
- Яценко С. А., Добжаньска Г., 2012. Германские парадные копья II–III вв. н.э. с сарматскими знаками // Евразия в скифо-сарматское время. Труды ГИМ. Вып. 191. М. : ГИМ. С. 494–510.
- Barat Y., Soulat J., Gauduchon S., 2009. La présence d'un établissement germanique au début du Ve siècle à Flins-sur-Seine (Yvelines)? // Antiquités nationales. T. 40. Paris : Musée d'archéologie nationale. P. 183–192.
- Biborski M., 1978. Miecze z okresu wplzwow rzymskich na obszary kultury przeworskiej // Materily archeologiczne. T. 18. S. 53–165.
- Biborski M., Ilkjær J., 2006. Illerup Ådal 11. Die Schwerter. Textband. Jutland Archaeological Society Publications. Vol. XXV: 11. Århus : Aarhus University press. 412 s.
- Bierbrauer V., 1989. Ostgermanische Oberschichtgräber der römischen Kaiserzeit und des frühen Mittelalters // Peregrinatio Gothica II. Archaeologia Baltica. Vol. VIII. Polonia 86. Łódź : Uniwersytet Łódzki. S. 39–106.
- Czarnecka K., 1994. The Re-Use of Roman Military Equipment in Barbarian Contexts. A Chain-Mail Souvenir? // The Journal of Roman Military Equipment Studies. Vol. 5. P. 245–253.
- Czarnecka K., 2010. Nietypowe groty włóczni ze schyłku starożytności z ziem polskich // Wiadomości Archeologiczne. T. LXI. S. 111–135.
- Czarnecka K., 2021. Broń jako wyznacznik prestiżu, rekwizyt rytuału oraz świadectwo kontaktów w Barbaricum w młodszym okresie przedrzymskim i w okresie wpływów rzymskich // Barbaricum, tom 13. Warszawa : Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego. S. 173–217.
- Dobrzańska H., 2001. Contacts between Sarmatians and the Przeworsk Culture Community // International Connections of the Barbarians in the 1st – 5th Centuries AD. Proceedings of the International Conference Held in 1999 in Aszód and Nyírgyháza. Aszód ; Nyírgyháza : NyJAMÉ. P. 101–115.
- Ferrandes A.F., Pardini G., 2011. I reperti // I segni del potere Realtà e immaginario della sovranità Nella roma imperial. Bibliotheca Archaeologica Collana di archeologia a cura di Giuliano Volpe 24. Bari : Edipuglia. P. 177–190.
- Garnier J-F., Lebedynsky I., Daynes M., 2006–2007. Deux poignards Sarmato-Alains en Lot-et-Garonne // Antiquités nationales. T. 38. Paris : Musée des antiquités nationales. P. 161–168.
- Hachmann R., 1993. Verzierte Lanzespitzen der Jüngerer Kaiserzeit. Die Vor- und Frühgeschichte und die Runeninschriften im älteren Fupark // Kulturen zwischen Ost und West : das Ost-West-Verhältnis in Vor- und Frühgeschichtlicher Zeit und sein Ein Fluß auf Werden und Wandel des Kulturraums Mitteleuropa. Georg Kossack zum 70. Geb. Am 25 Juni. 1993. Berlin : Akademie. S. 327–422.
- Harhoiu R., 1988. Das kurzschwert von Micia // Dacia. T. XXXII (1–2). Bucureşti : Academiei republicii socialiste Romania. P. 79–91.
- Kaczanowski P., Zaborowski J., 1988. Bemerkungen über die Bewaffnung der Bevölkerung der Wielbark-kultur // Kultura Wielbarska w młodszym okresie rzymskim. Lublin : UMCS. S. 221–239.
- Kaczanowski P., 1992. Importy broni rzymskiej na obszarze Europejskiego Barbaricum. Kraków : Uniwersytet Jagielloński. 136 s.
- Kokowski A., 1993. L'art militaire des Goths à l'époque romaine tardive (d'après les données archéologiques) // L'armée romaine et les barbares du IIIe au VIIe siècle. Saint-Germain-en-Laye : de l'Association Française d'Archéologie Mérovingienne et du Musée des Antiquités Nationales. P. 335–354.
- Kokowski A., 2003. Goten und Sarmaten – eine Geschichte der Kontakte zwischen dem 2. und 4. Jahr. N. Chr. Vor dem Hintergrund der Masłomęcz-Gruppe // Kontakt – Kooperation – Konflikt. Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und 4. Jh. n. Chr. Zusammenfassungen der Vorträge. 5 Internationales Kolloquium des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg, 12–16.2.1998. Marburg : Wachholtz. S. 275–302.
- Kokowski A., 2004. Przyczynek do historii kontaktów germanów i sarmatów w świetle badań archeologicznych // Sarmaci i Germanie. Lublin : UMCS. S. 11–69
- Kokowski A., 2009. Kontinuität und Diskontinuität der Besiedlung in der jüngeren vorrömischen Eisenzeit und in der römischen Kaiserzeit am Beispiel des Hrubieszów-Beckens // Přehled výzkumů. Roč. 50. Brno : Archeologický ústav AV ČR v Brně. S. 181–212.

- Kontny B., 2004. Uzbrojenie kultury przeworskiej w okresie wpływów rzymskich i początkach okresu wędrówek ludów // Wandalowie – strażnicy bursztynowego szlaku. Państwowe Muzeum Archeologiczne 8 marca – 16 czerwca 2004. Katalog wystawy. Lublin ; Warszawa : UMCS. S. 143–161.
- Kontny B., 2013. New Trace to Solve the Riddle: Weapons from Chatyr-Dag in the Light of Current Research // Inter Ambo maria. Northern barbarians from Scandinavia towards the Black sea. Kristiansand ; Simferopol : Dolya. P. 196–212.
- Kontny B., 2019. Dogs of War in the Baltic Sea Area. The Case of Balt Retinues in the Roman Period and Migration Periods // Interacting Barbarians Contacts, Exchange and Migrations in the First Millennium AD. Warszawa-Braunschweig-Schleswig : Uniwersytet Warszawski; Braunschweigisches Landesmuseum; Zentrum für Baltische und Skandinavische Archäologie. S. 101–122.
- Miks Ch., 2007a. Studien zur römischen Schwertbewaffnung in der Kaiserzeit. Kölner Studien zur Archäologie der römischen Provinzen. Bd. 8, T. I. Rahden/Westf. : Marie Leidorf GmbH. 522 S.
- Miks Ch., 2007b. Studien zur römischen Schwertbewaffnung in der Kaiserzeit. Kölner studien zur archäologie der römischen provinzen. Bd. 8, T. II. Rahden/Westf. : Marie Leidorf GmbH. 416 S.
- Nowakowski W., 1996. Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt. Veröffentlichung des Vorgesichtlichen Seminars Marburg. Sonderband 10. Marburg ; Warszawa : Druk. 322 s.
- Panella C., 2011. I segni del potere // I segni del potere Realtà e immaginario della sovranità Nella roma imperial. Bibliotheca Archaeologica Collana di archeologia a cura di Giuliano Volpe 24. Bari : Edipuglia. S. 25–76.
- Radjush O., 2010. Dated Armament Findings of the Scythian Wars' Epoch in Northern Black Sea Region // Waffen in Aktion. Akten des 16. Internationalen Roman Military Equipment Conference – ROMEK, Xanten, 13.-16. Juni 2007. Xantener Berichte. Bd. 16. Mainz : von Zabern. S. 155–159.
- Ščukin M. B., 1993. A propos des contacts militaires entre les Sarmates et les Germains a l' époque romaine (d' après l' armement et spécialement les umbo de boucliers et les lances) // L' armée romaine et les barbares du IIIe au VIIe siècle. Saint- Germain-en-Laye : de l' Association Française d' Archéologie Mérovingienne et du Musée des Antiquités Nationales. Rouen. P. 322–333.
- Shchukin M., 1994. Shields, swords and spears as evidence of Germanic-Sarmatian contacts and Barbarian-Roman relations // Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Lublin ; Marburg : UMCS. P. 485–495.
- Skora K., 2008. Z czym w drowano w za wiaty? O niemilitarnym wyposa eniu grobowym wojowników „wielbarskich” // Nie tylko broń: niemilitarne wyposażenie wojownikó w w starożytności i średniowieczu. Łódź : Łódzkie towarzystwo naukowe. S. 7–27.
- Soupault V., 1996. A propos de l' origine et de la diffusion des poignards et epees à encoches (IV–VII s.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. V. С. 60–76, 486–492.

REFERENCES

- Aibabin A.I., Hairedinova E.A., 2014. *Mogil'nik u sela Luchistoe. T. II. Raskopki 1984, 1986, 1991, 1993–1995* [Cemetery near the Village of Luchistoye. Vol. 2. Excavations of 1984, 1986, 1991, 1993–1995]. Bosphoros studies. Supplementum 14. Simferopol-Kerch, Crimean Branch of the Institute of Oriental Studies. 400 p.
- Akhmedov I.R., 2014. Rannyya gruppa mechey iz ryazano-okskih mogil'nikov [An Early Group of Swords from the Ryazan-Oka Cemeteries]. *Voïnskie traditsii v arheologicheskome kontekste: ot pozdnego Latena do pozdnego srednevekov'ya* [Military Traditions in an Archaeological Context: From the Late Laten to the Late Middle Ages]. Tula, The State Museum-Reserve “Kulikovo field”, pp. 24-39.
- Bezuglov S.I., 2000. Pozdnesarmatskie mechi (po materialam Podon'ya) [Late Sarmatian Swords (Based on the Materials of the Don Region)]. *Sarmaty i ih sosedi na Donu. Materialy i issledovaniya po arheologii Dona*. [Sarmatians and their Neighbors on the Don. Materials and Research on the Archaeology of the Don], vol. 1. Rostov-on-Don, Terra Publ., pp. 169-193.
- Betrozov R.Zh., 1987. Kurgany gunnskogo vremeni u seleniya Kishpek [Mounds of the Hunnish Time near the Village of Kishpek]. *Arheologicheskie issledovaniya na novostroykah Kabardino-Balkarii v 1972-1979 gg.* [Archaeological Research on New Buildings in Kabardino-Balkaria in 1972–1979], vol. 3. Nalchik, Elbrus Publ., pp. 13-25.

- Vasil'ev A.A., 2005. O nekotorykh osobennostyakh hronologii predmetov vooruzheniya germantsev v severnom Prichernomor'е (etapy B2 i C1) [About some Features of the Chronology of German Armaments in the Northern Black Sea Region (Stages B2 and C1)]. *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Periody destabilizatsiy i katastrof* [Bosporus Cimmerian and Barbarian World in the Period of Antiquity and the Middle Ages]. Kerch, Demetra Foundation, pp. 37-44.
- Vasil'ev A.A., Karmov T.M., 2008. Shlem iz knyazheskogo pogrebeniya u s. Kishpek [Helmet from the Princely Burial at the Village of Kishpek]. *Nizhnevolzhskiy Arheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 9, pp. 238-246.
- Vinogradov Yu.A., Goroncharovskiy V.A., 2009. *Voennaya istoriya i voennoe delo Bospora Kimmeriyskogo (VI v. do n.e. – sredina III v. n.e.)* [Military History and Military Affairs of Bosporus of Cimmeria (VI Century BC – Mid. III Century AD)]. Trudy IIMK RAN, vol. XXV. Saint Petersburg, Faculty of Philology and Arts of St. Petersburg State University; Nestor-Istoriya Publ. 349 p.
- Vinogradov V.B., Petrenko V.A., 1971. Mogil'niki sarmatskoy epohi na gore Lekhch-Kort [Cemeteries of the Sarmatian Era on Mount Lekhch-Kort]. *Sovetskaya Archeologiya* [Soviet Archeology], no. 1, pp. 171-180.
- Voloshinov V.V., Masyakin V.V., 2016. Germanskie elementy iz nekropolya Suvlu-Kaya [Germanic Elements from the Suvlu-Kaya Necropolis]. *XVII Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Issledovateli i issledovaniya* [XVII Bosporan Readings. Bosporus Cimmerian and Barbarian World in the Period of Antiquity and the Middle Ages. Researchers and Research]. Kerch, Research Center for the History and Archeology of Crimea; CAR of the Demetra Foundation, pp. 119-126.
- Voronov Yu.N., Shenkao N.K., 1982. Vooruzhenie voinov Abhazii IV–VII vv. [Armament of the Soldiers of Abkhazia IV–VII Centuries]. *Drevnosti epohi Velikogo pereseleniya narodov V–VII vekov* [Antiquities of the Epoch of the Great Migration of Peoples of the V–VII Centuries]. Moscow, Nauka Publ., pp. 121-165.
- Voronyatov S.V., 2012a. Adzhimushkayskoe kop'e – bosporskoe znamya? [Ajimushkai Spear – Bosporan Banner?]. *Geral'dika – vspomogatelnaya istoricheskaya disciplina* [Heraldry is an Auxiliary Historical Discipline]. Saint Petersburg, SHM, pp. 3-11.
- Voronyatov S.V., 2012b. Alano-sarmatskie motivy v inventare «korolevskogo» pogrebeniya pozdnerimskogo vremeni okolo Mushova v Yuzhnoy Moravii [Alano-Sarmatian Motifs in the Inventory of the “Royal” Burial of the Late Roman Period near Mushov in South Moravia]. *Zoloto, kon' i chelovek: k 60 letiyu A.M. Simonenko* [Gold, Horse and Man: To the 60th Anniversary of A. V. Simonenko]. Kiev, KNT Publ., pp. 417-431.
- Voronyatov S.V., 2014. O territorii srazheniya gotov so spalami v «Getika» Iordana [About the Territory of the Battle of the Goths with the Sleepers in “Getika” Jordan]. *Voyna i voennoe delo v skifo-sarmatskom mire: materialy' Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashhennoy pamyati A.I. Melyukovoy (Kagal'nik, 26–29 aprelya 2014 g.)* [War and Military Affairs in the Scythian-Sarmatian World. Materials of the International Scientific Conference Dedicated to the Memory of A.I. Melyukova (Kagalnik, April 26–29, 2014)]. Rostov-on-Don, SSC RAS, pp. 57-72.
- Vybornov V.Yu., Klyuchnev N.I., 1998. Pozdnesarmatskiy kurgan u s. Limarevka Luganskoj oblasti [Late Sarmatian Mound near the Village of Limarevka, Luhansk region]. *Problemy arheologii yugo-vostochnoy Evropy: tezisy dokladov VII Donskoj arheologicheskoy konferentsii (22–26 noyabrya 1988 g.)* [Problems of Archaeology of South-Eastern Europe. Abstracts of the VII Don Archaeological Conference (November 22–26, 1988)]. Rostov-on-Don, RSU, pp. 92-93.
- Gavrituhin I.O., P'yankov A.V., 2003. Tamanskiy poluostrov i Severo-Vostochnoe Prichernomor'е. Rannesrednevekovoye drevnosti poberezh'ya. Drevnosti V–VII vekov [The Taman Peninsula and the Northeastern Black Sea Region. Early Medieval Antiquities of the Coast. Antiquities of the V–VII Centuries]. *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'е i Zakavkaz'е v epohu srednevekov'ya. IV–XIII veka* [Crimea, the North-Eastern Black Sea Region and Transcaucasia in the Middle Ages. IV–XIII Centuries]. Moscow, Nauka Publ., pp. 191-193.
- Garbuz I.A., 2012. O sposobe nosheniya klinkovogo oruzhiya s bokovymi vyrezami u rukoyati (po materialam pamyatnikov Central'nogo i Yugo-Zapadnogo Kryma) [About the Method of Carrying Bladed Weapons with Side Cutouts at the Handle (Based on the Materials of the Monuments of the Central and South-Western Crimea)]. *I Bahchisarayskie nauchnye chteniya pamyati E.V. Veymarna* [I Bakhchisaray Scientific Readings on Memory of E. V. Weimarn]. Bakhchisaray, Bakhchisaray Historical and Cultural Reserve, pp. 21-22.
- Gey O.A., 1999. Problema vydeleniya skifo-sarmatskiykh elementov v chernyahovskoy kul'ture [The Problem of the Allocation of Scythian-Sarmatian Elements in the Chernyakhov Culture]. *Evrasiyskie drevnosti: 100 let*

- B.N. Grakovu: *arhivnye materialy, publikatsii, stati* [Eurasian Antiquities: 100 years of B.N. Grakov. Archival Materials, Publications, Articles]. Moscow, IA RAS, pp. 131-150
- Goldina R.D., Volkov S.R., 2000. Shlemy Tarasovskogo mogil'nika [Helmets of the Tarasov Cemetery]. *Ufimskiy arheologicheskij vestnik* [Ufa Archaeological Bulletin], iss. 2, pp. 98-122.
- Gopkalo O.V., 2016. Sotsial'naya stratifikatsiya nositeley kul'tury Chernyakhov – Syntana-de Muresh [Social Stratification of the Chernyakhov – Sontana-de-Muree Population]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 244, pp. 65-82.
- Gopkalo O.V., Rudich T.O., 2018. Pizni skifi ta sarmati u skladi kul'turi Chernyakhov – Sintana-de-Muresh (za materialami poselennya ta mogil'nika bilya s. Boromlya) [Late Scythians and Sarmatians as part of the Chernyakhov – Sintana de Mures Culture (Based on the Materials of the Settlement and Burial ground near the village of Boromlya)]. *Starozhitnosti livoberezhzhya Dnipro* [Antiquities of the Left Bank of the Dnieper]. Kiev, Kotelva, CzP NASU; UTOPIK Publ., pp. 90-101.
- Gopkalo O.V., Tylishchak V.S., 2010. Rimskie importy iz metalla na mogil'nike Cherneliv-Russkiy [Roman Metal Imports on the Burial Ground Cherneliv-Russkiy]. *Germania-Sarmatia*, iss. II. Kaliningrad, Kursk, KOIHM-KGOMA Publ., pp. 79-92.
- Gorohovskiy E.L., 1988. Kantemirovskie kurgany na Poltavshchine i problema drevnostey rannegunnskogo perioda na yuge Vostochnoy Evropy [Kantemirov Mounds in the Poltava Region and the Problem of Antiquities of the Early Hunnic Period in the South of Eastern Europe]. *Tezisy dokladov i soobshcheniy oblastnogo nauchno-prakticheskogo seminaru «Ohrana i issledovanie pamyatnikov arheologii Poltavshchiny»* [Abstracts and Reports of the Regional Scientific and Practical Seminar "Protection and Research of Archaeological Monuments of Poltava Region"]. Poltava, Poltava Regional Department of Culture, pp. 18-19.
- Davudov O.M., 2012. Mogil'nik na okraine s. Kurkli [Burial Ground on the Outskirts of Kurkli Village]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education], no. 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7566>
- Dmitriev A.V., 1979. Pogrebeniya vsadnikov i boevyh koney v mogil'nike epohi pereseleniya narodov na r. Dyurso bliz Novorossiyska [The Burials of Horsemen and Battle Horses in the Cemetery at the Durso River near Novorossiysk]. *Sovetskaya Archeologiya* [Soviet Archaeology], no. 4, pp. 212-231.
- Zaytsev Yu.P., 1997. Ohrannye issledovaniya v Simferopol'skom, Belogorskom i Bahchisarayskom rayonah [Conservation Research in Simferopol, Belogorsk and Bakhchisaray Districts]. *Arheologicheskie issledovaniya v Krymu. 1994 god* [Archaeological Research in the Crimea. 1994]. Simferopol, Crimean Branch of IA, pp. 102-116.
- Zasetskaya I.P., 1994. *Kul'tura kochevnikov yuzhnorusskih stepey v gunnskuyu epohu* [The Culture of the Nomads of the South Russian Steppes in the Hunnic Era]. Saint Petersburg, Ellipse Ltd Publ. 224 p.
- Zubov S.E., Radyush O.A., 2014. Shlemy Srednego Povolzh'ya v srednesarmatskoe vremya [Helmets of the Middle Volga Region in Middle Sarmatian Time]. *Ufimskiy arheologicheskij vestnik* [Ufa Archaeological Herald], vol. 14, pp. 94-104.
- Istvánovits E., Kulcsár V., 2009. Mechi / kinzhaly s bokovymi vyrezami v karpatskom bassejne [Swords / Daggers with Side Cuts in the Carpathian Basin]. *Gunny, goty, sarmaty mezhdv Volgoy i Dunaem* [Huns, Goths, Sarmatians between the Volga and the Danube]. Saint Petersburg, Faculty of Philology and Arts, St. Petersburg State University, pp. 143-151.
- Kazakyavichus V., 1988. Redkaya forma nakonechnikov na territorii Litvy [A Rare form of Arrowheads on the Territory of Lithuania]. *Drevnosti Litvy i Belorussii*. [The Antiquity of Lithuania and Belarus]. Vilnius, Mokslas Publ., pp. 79-88.
- Kaminskiy V.N., Kaminskaya-Cokur I.V., 1997. Vooruzhenie plemen Severnogo Kavkaza v rannem srednevekov'e [Armament of the Tribes of the North Caucasus in the Early Middle Ages]. *Istoriko-arheologicheskij al'manah* [Historical and Archaeological Almanac], iss. 3. Armavir, Moscow, Armavir Museum of Local Lore, pp. 61-69.
- Kontny B., Savelya D.Yu., 2006. Vooruzhenie iz mogil'nika v Kilen-balke [Armament from the Burial Ground in Kilenbalk]. *Materialy po istorii, arheologii i etnografii Tavrii* [Materials on the History, Archaeology and Ethnography of Tavria], iss. XII, part 1. Simferopol, Crimean Branch of Institute of Oriental Studies, pp. 129-160.
- Kotigoroshko V.G., 1979. Kurgan pervoj poloviny III v. n.e. u s. Bratovo [Kurgan of the First Half of the III Century A.D. near the Village of Bratovo]. *SA*, no. 2, pp. 153-162.
- Krivosheev M.V., Malashev V.Yu., 2019. Problema kul'turnoy atributsii pamyatnikov kochevogo naseleniya pozdnesarmatskogo vremeni Severnogo Prichernomor'ya [The Problem of Cultural Identification of Nomadic

- Burials from the Late Sarmatian Period in the Northern Pontic Area]. *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.). Vol. 5. Materialy X Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC – AD 400). Proceedings of the 10th International Research Conference “The Aspects of Sarmatian Archaeology and History”]. Simferopol, Salta LTD Publ., pp. 147-153.
- Levada M.E., 1998. Mechi rimskogo vremeni vostochnoevropeskogo Barbarikuma [Swords of the Roman Time of the Eastern European Barbarium]. *Arheologichniy litopis Livoberezhnon Ukraini* [Archaeological Chronicle of Left-Bank Ukraine], iss. 1-2. Poltava, EC “Archeologia”, pp. 53-58.
- Levada M.E., 2006. Kinzhaly tipa Hazanov-V v Srednem Podneprov'e [Daggers of the Khazanov-V type in the Middle Dnieper Region]. *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. VII Bosporan chteniya* [Bosporus Cimmerian and Barbarian World in the Period of Antiquity and the Middle Ages. VII Bosporan Readings]. Kerch, Kerch City Printing House, pp. 192-199.
- Levada M.E., 2013. O vliyaniy alanskikh voennykh traditsiy na vostochnogermanskii narody [On the Influence of the Alanian Military Traditions on the East German Peoples]. *Krym v sarmatskuyu epokhu. Vol. 1. II v. do n.e. – IV v. n.e.* [Crimea in the Sarmatian Era. II Century BC – IV Century AD]. Simferopol, Bakhchisaray, Dolya Publ., pp. 171-187.
- Lyubichev M.V., 2013. Pozdneskiyskiy / sarmatskiy komponent v chernyahovskoy kul'ture v lesostepi mezhdru Dneprom i Severskim Donsom: osobennosti proyavleniya [Ancient Scythian / Sarmatian Component in the Chernyakhovsky Culture in the Forest-Steppe Between the Dnieper and the Seversky Donets: Features of Manifestation]. *Varvarskiy mir severopontiyskiykh zemel' v sarmatskuyu epokhu: sbornik statey k 60-letiyu A.N. Dzigovskogo* [The Barbaric World of the Northern Pontic Lands in the Sarmatian Era. Collection of Articles for the 60th Anniversary of A.N. Dzigovsky]. Kiev, Oleg Filyuk Publ., pp. 64-95.
- Magomedov B.V., 1999. Sarmati u skladi chernyahivskoy kul'tury [Sarmatians as Part of the Chernyakhov Culture]. *Etnokul'turni protsesi v Pivdenno-Skhidniy Evropi v tisyacholitti n.e.* [Ethno-Cultural Processes in South-Eastern Europe in the Millennium AD]. Kiev, Lviv, RAS Publ., pp. 132-143.
- Magomedov B.V., 2000. Sarmatskie elementy v chernyahovskom pogrebal'nom obryade [Sarmatian Elements in the Chernyakhov Funeral Rite]. *Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa*. Łódź, Wydawnictwo uniwersytetu łódzkiego, s. 202-208.
- Magomedov B.V., 2001. *Chernyahovskaya kul'tura: problema etnosa* [Chernyakhov Culture: The Problem of Ethnicity]. Monumenta studia Gothica. T. 1. Lublin, UMCS. 290 s.
- Magomedov M.E., Levada M.E., 1996. Oruzhie Chernyahovskoy kul'tury [The Weapon of the Chernyakhov Culture]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Tavrii* [Materials And Research on the Archaeology of Tavria], vol. V, pp. 304-323.
- Malashev V.Yu., Krivosheev M.V., 2022. Pozdnesarmatskie pamyatniki Volgo-Ural'ya [The Late Sarmatian Archaeological Monument of the Volga-Urals]. *Arkheologiya Volgo-Ural'ya* [Archaeology of the Volga-Urals], vol. 4. Epoha Velikogo pereseleniya narodov [Great Migration Period]. Kazan', Tatarstan Academy of Sciences, pp. 18-37.
- Malashev V.Yu., Krivosheev M.V., 2023. Katakombnye pamyatniki stepnogo Volgo-Don'a i Predkavkaz'a serediny III – IV vv. [Catacomb Burials of the Volga-Don Steppe and the Fore-Caucasus in the Middle of the III – IV Centuries]. *Regional'nye osobennosti khronologii i periodizatsii savromatskoy i sarmatskiykh kul'tur: materialy XI Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem “Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii”, posvyashennoy pamyati A.S. Skripkina, Volgograd, 15–19 maya 2023 g.* [Chronology and Periodization of the Sauromat and Sarmatian Cultures: Regional Features. Materials of the XI All-Russian scientific conference with international participation “Problems of Sarmatian Archeology and History” dedicated to the memory of Prof. Anatoly S. Skripkin, Volgograd, May 15-19, 2023]. Volgograd, Volgograd State University, pp. 265-281.
- Matveev R.V., 2018. Mechi iz mogil'nikov III–IV vv. n.e. Volgo-Vyatskogo mezhdurech'ya [Swords from Burial Grounds of the III–IV Centuries A.D. of the Volga-Vyatka Interfluvium]. *Voennaya arkheologiya: sbornik materialov Nauchnogo seminara «Voennaya arkheologiya»* [Military Archaeology. Collection of Materials of the Scientific Seminar “Military Archeology”], iss. 4. Moscow, IA RAS, pp. 6-16.
- Myts V.L., Lysenko A.V., Shchukin M.B., Sharov O.V., 2006. *Chatyr-Dag – nekropol rimskoy epokhi v Krymu* [Chatyr-Dag is a Necropolis of the Roman Era in the Crimea]. Saint Petersburg, Nestor-istoriya Publ. 207 p.
- Nekrasova A.N., 2006. Pamyatniki chernyahovskoy kul'tury Dneprovskogo levoberezh'ya [Monuments of the Chernyakhov Culture of the Dnieper Left Bank]. *Goty i Rim* [Goths and Rome]. Kyiv, Stylos Publ., pp. 87-200.

- Oblomskiy A.M., 2002. *Dneprovskoe lesostepnoe Levoberezh'e v pozdnerimskoe i gunnskoe vremya (seredina III – pervaya polovina V v. n.e.)* [Dnieper Forest-Steppe Left Bank in the Late Roman and Hunnic Times (Middle of the III – First Half of the V Century AD)]. *Rannelslavyanskiy mir*, iss. 5. Moscow, Nauka Publ. 255 p.
- Oblomskiy A.M., Kozmirchuk I.A., 2015. Poselenie pozdnerimskogo i gunnskogo vremeni Ksizovo-19 / Ostraya Luka Dona v drevnosti. *Arheologicheskij kompleks pamyatnikov gunnskogo vremeni u s. Ksizovo (koniec IV – V v.)*. Rannelslavyanskiy mir. Vyp. 16. Moscow, IARAN, 2015, pp. 75-134.
- Palamarchuk S.V., Fokeev M.M., 2011. Veshchevoy kompleks yalpuskogo klada [The Items Complex of the Yalpus Treasure]. *Drevnee Prichernomor'e* [Ancient Black Sea region], iss. 9. Odessa, FLP "Friedman A.S." Publ., pp. 366-376.
- Radjush O.A., 2014a. O severnoy granitse rasprostraneniya tak nazyvaemyh «kinzhalov s vyrezami» [On the Northern Extremity of So-Called Daggers with Cutouts]. *Stratum plus*, no. 4, pp. 231-245.
- Radyush O.A., 2014b. «Knyazheskaya» i «vozhdeskaya» kul'tura nachala V veka v Verhnem Podneprov'e: novye issledovaniya i nahodki [Princely and Leaders' Burials in the Early 5th Century in the Upper Reaches of the Dnieper: New Research and Finds]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii* [Brief Communications of the Institute of Archeology], iss. 234, pp. 234-251.
- Radyush O.A., 2022. *Vooruzhenie i kavalerijskoe snaryazhenie naseleniya zapadnoy chasti Vostochnoy Evropy (II v. do n.e. – V v. n.e.): v 2 t.: dis. ... kand. ist. nauk* [Armament and Cavalry Equipment of the Population of the Western Part of Eastern Europe (II Century BC – V Century AD). In 2 vol. Cand. hist. sci. diss.]. Moscow, IARAS. 714 p.
- Radyush O.A., Vasil'ev A.A., 2022. Pogrebenie s oruzhiem na mogil'nike chernyahovskoy kul'tury Dal'niy (Vydrin) v Kurskoy oblasti [Burial with Weapons at the Burial Ground of the Chernyakhov Culture Dal'niy (Vydrin) in the Kursk Region]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskij Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 21, no. 2, pp. 208-242. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.13>
- Rudinskiy M.Ya., 1930. Kantamiriv'ski mogili rims'koo dobi [Cantemire Tombs of the Roman Era]. *Zapiski VUAK* [Notes from AUAS], vol. 1. Kiev, All-Ukrainian Academy of Sciences, pp. 127-158.
- Sazonov A.A., 1992. Mogil'nik pervyh vekov nashey ery bliz hutora Gorodskogo [The Burial Ground of the First Centuries of Our Era near the Gorodskoy Farm]. *Voprosy arheologii Adygei* [Questions of the Archeology of Adygea]. Maykop, Adygea Publ., pp. 244-274.
- Simonenko A.V., 2010. *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomor'ya* [Sarmatian Horsemen of the Northern Black Sea Region]. Saint Petersburg, Faculty of Philology of St. Petersburg State University, Nestor-istoriya Publ. 327 p.
- Simonenko A.V., 2015. *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomor'ya* [Sarmatian Horsemen of the Northern Black Sea Region]. 2nd ed., corrected. and add. Kyiv, Oleg Filyuk Publ. 466 p.
- Sokol'skiy N.I., 1954. Bosporskie mechi [Bosporan Swords]. *Materialy i issledovaniya po arheologii Severnogo Prichernomor'ya v antichnuyu epohu* [Materials and Research on the Archeology of the Northern Black Sea Region in Antiquity]. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR*, no. 33. Moscow, Nauka Publ., pp. 123-196.
- Skhatum R.B., 2004. O naznacheni vyrezov u rukoyati na kinzhalah V–VII vv. [About the Purpose of Cutouts at the Hilt on Daggers of the V–VII Centuries]. *Magisterium*, iss. 2. Krasnodar, KSUCA, pp. 40-47.
- Symonovich E.A., Kravchenko N.M., 1983. *Pogrebal'nye obryady Chernyahovskoy kul'tury* [Funeral Rites of the Chernyakhov Culture]. *Svod arheologicheskikh istochnikov*, iss. 11-12. Moscow, USSRAS. 152 p.
- Furas'ev A.G., Shablavina E.A., 2019. *Kontseshti. Knyazheskoe pogrebenie epohi Velikogo pereseleniya narodov* [Concesti. A Princely Grave from the Great Migration Period]. Saint Petersburg, SHM. 244 p.
- Hazanov A.M., 1971. *Ocherki voennogo dela sarmatov* [Essays on Military Affairs of Sarmatians]. Moscow, Nauka Publ. 170 p.
- Hlevov A.A., 2010. Oruzhejnaya tradiciya Skandinavii rannego zheleznogo veka kak istochnik social'noj rekonstrukcii [The Scandinavian Weapon Tradition of the Early Iron Age as a Source of Social Reconstruction]. *Skandinavskie chteniya 2008 goda. Etnograficheskie i kul'turno-istoricheskie aspekty* [Scandinavian Readings of 2008. Ethnographic and Cultural-Historical Aspects]. Saint Petersburg, Museum of Anthropology and Ethnography RAS, pp. 58-71.
- Khrapunov I.N., 2002. *Mogil'nik Druzhnoe* [Druzhnoye Cemetery]. *Monumenta Studia Gothica*. II. Lublin, UMCS. 314 p.
- Hrapunov I.N., 2010. Oruzhie iz mogil'nika Neyzats [Weapons from Neyzats Burial Ground]. *Terra Barbarica. Studia ofiarowane Magdalenie Mączyńskiej w 65. rocznicę urodzin*. Łódź, Warszawa, Instytut Archeologii

- Uniwersytetu Łódzkiego, Fundacja Uniwersytetu Łódzkiego, Fundacja Monumenta Archaeologica Barbarica, Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie, s. 535-555.
- Yatsenko S.A., 2020. Sarmatskie zhenskie pogrebeniya s toporami I–III vv. n.e. [Sarmatian Female Burials with Axes of the I–III Centuries AD.]. *Veshch 'v kontekste pogrebal'nogo obryada* [A thing in the Context of a Funeral Rite]. Moscow, RSUH, pp. 186-191.
- Yatsenko S.A., Dobzhan'ska G., 2012. Germanskie paradnye kop'ya II–III vv. n.e. s sarmatskimi znakami [German Ceremonial Spears of the II–III Centuries AD with Sarmatian Signs]. *Evraziya v skifo-sarmatskoe vremya* [Eurasia in the Scythian-Sarmatian Time]. Trudy GIM, iss. 191. Moscow, SHM, pp. 494-510.
- Barat Y., Soulat J., Gauduchon S., 2009. La presence d'un établissement germanique au début du Ve siècle à Flins-sur-Seine (Yvelines)? *Antiquites nationales*. T. 40. Paris, Musée d'archéologie nationale, p. 183-192.
- Biborski M., 1978. Miecze z okresu wplzwow rzymskich na obszary kultury przeworskiej. *Materily archeologiczne*, t. 18, s. 53-165.
- Biborski M., Ilkjær J., 2006. *Illerup Ådal II. Die Schwerter. Textband. Jutland Archaeological Society Publications*. T. XXV: 11. Århus, Aarhus University press. 412 s.
- Bierbrauer V., 1989. Ostgermanische Oberschichtgräber der römischen Kaiserzeit und des frühen Mittelalters. *Peregrinatio Gothica II. Archaeologia Baltica*. Vol. VIII. Polonia 86. Łódź : Uniwersytet Łódzki, S. 39-106.
- Czarnecka K., 1994. The Re-Use of Roman Military Equipment in Barbarian Contexts. A Chain-Mail Souvenir? *The Journal of Roman Military Equipment Studies*, vol. 5, pp. 245-253.
- Czarnecka K., 2010. Nietypowe groty włóczni ze schyłku starożytności z ziem polskich. *Wiadomości Archeologiczne*, t. LXI, s. 111-135.
- Czarnecka K., 2021. Broń jako wyznacznik prestiżu, rekwizyt rytuału oraz świadectwo kontaktów w Barbaricum w młodszym okresie przedrzymskim i w okresie wpływów rzymskich. *Barbaricum*, t. 13. Warszawa, WWU, s. 173-217.
- Dobrzanska H., 2001. Contacts between Sarmatians and the Przeworsk Culture Community. *International Connections of the Barbarians in the 1st – 5th Centuries AD. Proceedings of the International Conference Held in 1999 in Aszód and Nyíregyháza*. Aszód, Nyíregyháza, NyJAMÉ, pp. 101-115.
- Ferrandes A.F., Pardini G., 2011. I reperti. *I segni del potere Realtà e immaginario della sovranità Nella roma imperial*. Bibliotheca Archaeologica Collana di archeologia a cura di Giuliano, Volpe 24. Bari, Edipuglia, p. 177-190.
- Garnier J-F., Lebedynsky I., Daynes M., 2006–2007. Deux poignards Sarmato-Alains en Lot-et-Garonne. *Antiquites nationales*, t. 38. Paris, Musée des antiquités nationales, pp. 161-168.
- Hachmann R., 1993. Verzierte Lanzespitzen der Jüngerer Kaiserzeit. Die Vor- und Frühgeschichte und die Runeninschriften im älteren Fuþark. *Kulturen zwischen Ost und West: das Ost-West-Verhältnis in Vor- und Frühgeschichtlicher Zeit und sein Einfluß auf Werden und Wandel des Kulturraums Mitteleuropa*. Georg Kossack zum 70. Geb. Am 25 Juni. 1993. Berlin, Akademie, S. 327-422.
- Harhoiu R., 1988. Das kurzschwert von Micia. *Dacia*. T. XXXII (1–2). Bucureşti, Academiei republicii socialiste Romania, p. 79-91.
- Kaczanowski P., Zaborowski J., 1988. Bemerkungen über die Bewaffnung der Bevölkerung der Wielbark-kultur. *Kultura Wielbarska w młodszym okresie rzymskim*. Lublin, UMCS, s. 221-239.
- Kaczanowski P., 1992. *Importy broni rzymskiej na obszarze Europejskiego Barbaricum*. Kraków, Uniwersytet Jagielloński. 136 s.
- Kokowski A., 1993. L'art militaire des Goths à l'époque romaine tardive (d'après les données archéologiques). *L'armée romaine et les barbares du IIIe au VIIe siècle*. Saint-Germain-en-Laye : de l'Association Française d'Archéologie Mérovingienne et du Musée des Antiquités Nationales, pp. 335-354.
- Kokowski A., 2003. Goten und Sarmaten – eine Geschichte der Kontakte zwischen dem 2. und 4. Jahr. N. Chr. Vor dem Hintergrund der Masłomęcz-Gruppe // *Kontakt – Kooperation – Konflikt. Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und 4. Jh. n. Chr. Zusammenfassungen der Vorträge. 5 Internationales Kolloquium des Vorgesichtlichen Seminars Marburg, 12–16.2.1998*. Marburg, Wachholtz, S. 275-302.
- Kokowski A., 2004. Przyczynek do historii kontaktów germanów i sarmatów w świetle badań archeologicznych. *Sarmaci i Germanie*. Lublin, UMCS, s. 11-69.
- Kokowski A., 2009. Kontinuität und Diskontinuität der Besiedlung in der jüngeren vorrömischen Eisenzeit und in der römischen Kaiserzeit am Beispiel des Hrubieszów-Beckens. *Přehled výzkumů*. Roč. 50. Brno, Archeologický ústav AV ČR v Brně, S. 181-212.

- Kontny B., 2004. Uzbrojenie kultury przeworskiej w okresie wpływów rzymskich i początkach okresu wędrówek ludów. *Wandalowie – strażnicy bursztynowego szlaku. Państwowe Muzeum Archeologiczne 8 marca – 16 czerwca 2004. Katalog wystawy*. Lublin, Warszawa, UMCS, s. 143-161.
- Kontny B., 2013. New Trace to Solve the Riddle: Weapons from Chatyr-Dag in the Light of Current Research. *Inter Ambo maria. Northern barbarians from Scandinavia towards the Black sea*. Kristiansand, Simferopol, Dolya, pp. 196-212.
- Kontny B., 2019. Dogs of War in the Baltic Sea Area. The Case of Balt Retinues in the Roman Period and Migration Periods. *Interacting Barbarians Contacts, Exchange and Migrations in the First Millennium AD*. Warszawa-Braunschweig-Schleswig, Uniwersytet Warszawski, Braunschweigisches Landesmuseum, Zentrum für Baltische und Skandinavische Archäologie, s. 101-122.
- Miks Ch., 2007a. *Studien zur römischen Schwertbewaffnung in der Kaiserzeit*. Kölner Studien zur Archäologie der römischen Provinzen. Bd. 8, T. I. Rahden/Westf., Marie Leidorf GmbH. 522 S.
- Miks Ch., 2007b. *Studien zur römischen Schwertbewaffnung in der Kaiserzeit*. Kölner studien zur archäologie der römischen provinzen. Bd. 8, T. II. Rahden/Westf., Marie Leidorf GmbH. 416 S.
- Nowakowski W., 1996. *Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt*. Veröffentlichung des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Sonderband 10. Marburg, Warszawa, Druk. 322 s.
- Panella C., 2011. I segni del potere. *I segni del potere Realtà e immaginario della sovranità Nella roma imperial*. Bibliotheca Archaeologica Collana di archeologia a cura di Giuliano. Volpe 24. Bari, Edipuglia, p. 25-76.
- Radjush O., 2010. Dated Armament Findings of the Scythian Wars' Epoch in Northern Black Sea Region. *Waffen in Aktion. Akten des 16. Internationalen Roman Military Equipment Conference – ROMEC, Xanten, 13.-16. Juni 2007*. Xantener Berichte, Bd.16. Mainz, Von Zabern, S. 155-159.
- Ščukin M.B., 1993. A propos des contacts militaires entre les Sarmates et les Germains a l' époque romaine (d' après l' armement et spécialement les umbo de boucliers et les lances). *L' armée romaine et les barbares du IIIe au VIIe siècle*. Saint- Germain-en-Laye: de l' Association Française d' Archéologie Mérovingienne et du Musée des Antiquités Nationales. Rouen, pp. 322-333.
- Shchukin M., 1994. Shields, swords and spears as evidence of Germanic-Sarmatian contacts and Barbarian-Roman relations. *Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten*. Lublin, Marburg, UMCS, pp. 485-495.
- Skora K., 2008. Z czym w drowano w za wiaty? O niemilitarnym wyposa eniu grobowym wojowników „wielbarskich”. *Nie tylko broń: niemilitarne wyposażenie wojownikó w w starożytności i średniowieczu*. Łódź, Łódzkie towarzystwo naukowe, s. 7-27.
- Soupault V., 1996. A propos de l' origine et de la diffusion des poignards et epees à encoches (IV–VII s.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnographii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], iss. V, pp. 60-76, 486-492.

Information About the Author

Oleg A. Radyush, Candidat of Sciences (History), Researcher, Department of Archaeology of the Great Migration Period and Early Middle Ages, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Dmitriya Ul'yanova St, 19, 117036 Moscow, Russian Federation, radjush@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0311-7389>

Информация об авторах

Олег Александрович Радюш, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья, Институт археологии РАН, ул. Дмитрия Ульянова, 19, 117036 г. Москва, Российская Федерация, radjush@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0311-7389>